

Карибская сага

А Б
н о
д н
р д
е а
й р
е н
к
о

Группа «Азимут»

Андрей Бондаренко

Карибская сага

«Автор»

2013

Бондаренко А.

Карибская сага / А. Бондаренко — «Автор», 2013 — (Группа «Азимут»)

Когда-то этот роман (по настоянию Санкт-Петербургского издательства «Крылов»), назывался – «Логово льва». Прошли годы, права на книгу вернулись к Автору. По этому поводу роману возвращено первоначальное название, «нарисована» новая обложка и проведена дополнительная (объёмная), авторская редакция. Итак. 1939–1940-ой годы. Приближается Война. Советская внешняя разведка резко активизирует свою деятельность. Сотрудники группы «Альфа» откомандированы – для выполнения особо важного задания – в одну из стран Карибского бассейна, где их ждут самые невероятные и изощрённые приключения...

Содержание

От Автора	5
Миттельшпиль (Середина Игры)	7
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвёртая	34
Глава пятая	43
Глава шестая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Бондаренко

Группа «Азимут», кн. 2 Карибская сага

*Александру Бушкову, эскавайру,
а также мистеру Уильяму Сидни Портеру (О. Генри),
с уважением и сентиментальным восторгом...*

Все аналогии – относительно описанных событий и действующих лиц, возникающие в головах у читателей, – являются частным делом читателей.

За случайные совпадения с реалиями, имевшими место быть, Автор ответственности не несёт.

От Автора

На берегу озера Сейдозеро я побывал дважды – в 1982 и 1987 годах.

Лично видел развалины избушки поручика Синицына, бродил по древней дороге из странных светло-жёлтых, идеально-ровных плит, в неизвестные времена проложенной через безлюдную тундру...

А в самом начале 90-х годов мне посчастливилось оказаться в Никарагуа, где мы с друзьями защищали, с автоматами в руках – ясен пень, идеалы наши юношеские, наивные. Защищать толком не получилось, да не в этом дело, ещё успеется...

Однажды местные командос трое суток безостановочно гоняли наш отряд по джунглям. В конце концов, мы были вынуждены спрятаться в случайно обнаруженной древней пещере. По стометровому полуразрушенному штреку вышли в просторный подземный зал, стены которого были покрыты очень странной наскальной живописью.

Все эти картинки и зарисовки можно было разделить на три большие группы.

Первая – разнообразные птицы и животные. Даже знакомые изредка встречались: благородные олени с узорчатыми рогами, обычные аисты, полосатые тигры, длиннющие ящерицы, коварные змеи...

Впрочем, большинство картинок представляли собой сплошную экзотику: голенастый орёл с двумя сонными головами, пятнистые лошади, только вместо копыт – лапы с длинными острыми когтями, волки с головами очковой кобры, драконы огнедышащие – в немаленьком ассортименте...

Вторая группа – сплошные воинские баталии. Высокие люди европейской внешности, в непривычных глазу воинских доспехах, сражались с какими-то широкоплечими гномами, с приземистыми кентаврами, с другими людьми, восседавшими верхом на огромных остроухих волках. Тут и там мелькали вполне узнаваемые персоналии: хоббиты, орки, тролли, иные всякие...

Третья группа рисунков, несомненно, была самой интересной и абсолютно неожиданной. Её основу составляли космические корабли: и классические ракеты, и летающие плоские тарелки, и пирамиды – трёхгранные, с работающими двигателями, закреплёнными под их основаниями. Правда, попадалась техника и попроще: автомобили различного предназначения, самолёты – большие и маленькие, воздушные шары, даже двух- и трёхколёсные велосипеды...

Просидели мы в той пещере больше двух недель, за это время старый карибский охотник по имени Джек Негро успел мне столько порассказать о тех благословенных краях – хватит на несколько полноценных романов.

А капитан Зорго, сеньора Сара Монтелеон, индейский мальчишка Джедди и его камышовая кошка Маркиза – это просто мои хорошие знакомые, я даже их имена и прозвища оставил без изменений.

О чём это я? Да о том, что наш Мир многолик, загадочен и многомерен, и многим недоверчивым личностям уже давно бы пора смириться с этим непреложным фактом.

Кстати, весной следующего года я намереваюсь организовать небольшую экспедицию, хочу ещё раз посетить ту загадочную никарагуанскую пещеру.

Так что, если кто желает записаться в участники предстоящей славной эскапады – милости просим, вакантные места ещё имеются.

Наличие боевого и походного опыта пребывания в джунглях – искренне приветствуется...

Автор

Миттельшпиль (Середина Игры)

Забегали, засуетились индейцы, пакуя свою нехитрую утварь и нагружая эти тюки и свёртки на спины мулов, лам и лошадей.

Ник тоже дал команду на экстренные сборы, попросил Джедди срочно отыскать Аймара. Старый вождь явился незамедлительно, застыл в почтительном полупоклоне.

Ник прямо на земле расстелил карту и попросил Джедди:

– Пусть он покажет, как нам безопасней всего пройти к пещере, она на карте обозначена кружком. И спроси: они-то куда сейчас направляются?

Мальчишка перевёл, Аймар негромко заговорил, часто тыкая коричневым указательным пальцем в бумагу карты, даже две дырки умудрился пробить, чего как будто и не заметил.

Наконец, старый индеец замолчал, и Джедди начал переводить...

Вдруг, Айна вскрикнула, словно раненая косуля, пальцем указывая на Сизые болота. Обернувшись, Ник окончательно осознал, что не так всё и просто в этом Море. Там, совсем рядом, в непосредственной близости от границы Индейского Нагорья с Сизыми болотами, стояла, вытянувшись многокилометровой дугой, полоса густого чёрного дыма. Очевидно, неизвестный противник, действуя по какому-то заранее разработанному коварному плану, поджёг камыши Сизых болот, которые в это время года представляли собой идеальное топливо, многократно высушенное работающим тропическим солнцем.

Ветер дул с моря, значит, огненный вал двигался со скоростью хорошего всадника прямо на отряд, приближаясь безжалостно и неотвратимо.

Ситуация неуклонно меняла свой статус, превращаясь из неприятной и непростой – в отчаянную и безысходную.

Остаться на месте – явное самоубийство. Здешнее мелколесье вспыхнет за милую душу, словно порох. Идти на юг, пробиваясь к лесам? Нереально: леса, они тоже подвержены пожарам, да и сорок километров было до этого прохода, уже не успеть. Оставался только север, тем более что камни не горят...

Они собирались сноровисто и слаженно. Вместе с индейцами, не делясь на своих и чужих, двинулись на север. Кто верхом, кто пешком, как уж получилось. Чего было всего восемьдесят человек, причём мужчин – примерно одна треть, остальные – женщины, дети и старики.

За три часа беглецы дошли до перемычки. Последний крутой подъём – минут на десять, снова пот, заливающий глаза. Вышли? До огненного вала было ещё с полкилометра, но жар уже ощущался...

Свернули в узкую лошину. Только метров двести всего и успели проехать, как впереди выросла каменная стена. Серьёзная такая стена, состоящая из больших и маленьких, разноцветно-пёстрых и скучно-серых, относительно шаровидных и вовсе неправильной формы, камней.

Теперь Нику стало понятно, что это вчера за взрывы раздавались перед самым закатом. Засада кругом, сплошная такая, коварная...

Срочно повернули назад. Выехали опять к Сизым болотам, пламя бушевало уже метрах в ста пятидесяти. Прикрываясь от жара всем, чем только можно, доскакали до второй лошины, хлеща нещадно мулов, лошадей и лам...

Глава первая

Мирные будни бойцов невидимого фронта

Ранним утром самолёт приземлился на уже знакомом военном аэродроме, расположенном рядом с всё той же Сиверской. Где маршрут начинался, там он и завершился...

«Эх, если бы так и было всегда...» – умиротворённо подумал Ник.

У трапа их встречали трое. Чуть впереди двух других стоял видный мужчина в длинном кожаном плаще и начищенных до зеркального блеска шикарных яловых сапогах.

Лет мужчине было совсем немного – в районе тридцати трёх – тридцати четырёх, и был он чуть-чуть похож на молодого Сергея Мироновича Кирова, чьи фотографии Ник видел *когда-то давно* – ещё в школьных учебниках по истории СССР: густые тёмно-русые волосы, зачёсанные назад, широкая белозубая улыбка, открытый приветливый взгляд.

За ним скромно отсвечивали два неприметных субъекта с капитанскими шеvronами.

– Здравствуйте, товарищи! – ласково, совершенно не по-военному поздоровался белозубый. – Не надо строиться и рапортовать, сделаем вид, что уже прозвучала команда «вольно». Рад, что вы добрались без происшествий, все, похоже, в добром здравии. Я ваш новый куратор – Бессонов Иван Георгиевич, командир третьего специального полка НКВД СССР. Обращайтесь ко мне просто – «товарищ комиссар второго ранга», или же – Иван Георгиевич. Со всеми вами я потом познакомлюсь отдельно, с каждым проведу подробную индивидуальную беседу. Первым делом, попрошу сдать свои опознавательные знаки и личное оружие товарищу Николаеву, – вежливо кивнул в сторону одного из капитанов.

Ник собрал у своих соратников значки и пистолеты, передал всё Николаеву, козырнул зачем-то.

– Не надо огорчаться, товарищи! – тут же заверил Бессонов, заметив на некоторых лицах грустные улыбки. – Группа «Азимут» не расформировывается, а просто переводится в режим мирного существования – на время вашего обучения. Да, товарищи, на Чукотке вы себя показали просто молодцами. Но для выполнения других серьёзных заданий, которые, безусловно, будут поставлены перед вами Партией, необходимо значительно подучиться.... Поверьте мне, дорогие мои, действительно – необходимо! Так что, настраивайтесь на то, что весь предстоящий год вам придётся провести в учебных аудиториях. Лишние знания ещё никому и никогда не вредили, а при нашей с вами профессии – и подавно.... Правильно я говорю?

– Так точно, товарищ комиссар второго ранга, правильно! – за всех ответил Ник.

Сентябрьское солнышко припекало ещё вполне по-летнему, поэтому Бессонов расстегнул несколько пуговиц на своём плаще, продемонстрировав окружающим новый тёмно-синий китель, украшенный несколькими орденами.

– Теперь перейдём к приятной процедуре. Послезавтра вы все приглашены в Смольный, где сам товарищ Фриновский Михаил Петрович, нарком Военно-морского флота СССР, командарм первого ранга, вручит вам заслуженные награды. А сейчас вас проводят к месту вашего постоянного расквартирования, помогут в обустройстве быта. Я же вынужден попрощаться с вами, вылетаю по срочным делам службы в Новгород.... До скорых встреч!

Попрощавшись с Маврикием Слепцовым и другими полярными лётчиками, все дружно залезли в подошедший приземистый автобус, свалили рюкзаки и чемоданы на пол, расселись по местам.

– Трогай, не спи! – скомандовал водителю второй капитан, по фамилии Науменко. – На Крестовский остров, к пятому объекту!

По старому Лазаревскому мосту они въехали на Крестовский остров. Ник с интересом рассматривал окрестности и панорамы.

Последний раз он был здесь в 2001 году, и *с тех пор*, как это ни странно звучит, здесь мало что изменилось: *тогда* старинные особнячки прятались за высокими заборами, *и сейчас*, похоже, крыши тех же самых домиков выглядывали из-за заборов солидных...

Автобус подъехал к симпатичному серо-голубому двухэтажному коттеджу с бело-розовыми мраморными колоннами. Домик располагался за кованным старинным забором, около изящной калитки дисциплинированно замер вооружённый часовой.

– Вылезайте, товарищи, приехали! – пригласил Науменко. – Вот, здесь и будете проживать. Бытовые условия вполне нормальные: почти всегда есть холодная вода, но зимой придётся печки и камин топить дровами, а для получения горячей воды предусмотрен дровяной водогрей. Вот, разберите ваши пропуска и старайтесь их не терять, иначе часовой не пропустит. Пойдёмте, товарищи, всё подробно покажу...

Продemonстрировав строгому часовому латунные жетоны с выгравированной на них цифрой пять, «азимутовцы» прошли через калитку, у входа в дом остановились, ожидая пока Науменко с помощью массивного бронзового ключа отомкнёт дверной замок.

Ник испытывал странное ощущение, словно бывал уже здесь когда-то: и забор этот, высокохудожественнойковки, ему, определённо, был знаком, и эти бело-розовые мраморные колонны он уже видел...

В замке что-то громко щёлкнуло, Науменко потянул за старую медную ручку, покрытую сине-зелёной патиной, дверь, издав негромкий благородный скрип, открылась. И этот звук был Нику знаком! Вот же, дежавю противное, как привязалось...

Чувствовалось, что в доме долгое время никто не жил: по углам застыла узорчатая паутина, толстый слой пыли покрывал паркет розового дерева и оконные стёкла, в воздухе чувствовалась выдержанная многолетняя затхлость.

Но казалось, что эти мелочи заметил только Ник, остальные члены славного «Азимута» застыли на пороге прихожей в немом изумлении.

Где-то через минуту первым опомнился Сизый:

– Мамочка моя, дочь мрака тюремного! Ну, и ни фиги же себе! Это же просто хоромины графские, в натуре полной!

Увиденное впечатляло: большой зал площадью около ста двадцати квадратных метров, стены которого были обшиты тёмно-фиолетовыми панелями морёного дуба, посередине зала размещался овальный обеденный стол в окружении дюжины элегантных стульев. Ещё в наличии имелись четыре длинных стрельчатых окна, две массивные двери, расположенные в противоположных торцах зала, и широкая лестница с резными перилами, ведущая на второй этаж. Кроме того, у стены, противоположной к входной двери, располагался огромный камин, выложенный из тёмно-зелёного дикого камня.

Капитан Науменко неопределённо пожал плечами:

– Про графёв ничего не знаю, тут ещё до революции располагалась база сыскной полиции, архивы хранились всякие, так что, нам это всё, можно сказать, по наследству досталось...

«А про графа-то – прав Сизый!» – невесело усмехнулся про себя Ник. Он вспомнил всё – именно по этому красавцу-камину. Дело было в приснопамятном 1999 году, в самом конце августа месяца. Ник тогда, впрочем, как и вся страна, немного тусовался с бандюганами. Времена были такие поганые: хочешь – не хочешь, а приходилось «крышные» вопросы решать, если бизнесом желаешь заниматься. Вот, Ник и приехал на поклон к Графу, лидеру одной известной питерской ОПГ, которому тогда и принадлежал именно этот особнячок. Как и что – неважно. Только, вот, через пару лет Графа посадили в тюрьму, а коттедж этот опять отошёл к государству, говорили потом, мол, для нужд какой-то очередной спецслужбы...

Да, всё в этом Мире долбанном ходит строго по кругу, куда ни плюнь!

Девушки же впали в самый натуральный транс. И ничего удивительного: Зина всю жизнь провела в Анадыре, где безраздельно главенствовали бараки и землянки, а Айна, и вовсе, не видала ничего шикарней убранства шаманской яранги...

– Это – общий зал, ваша столовая, одним словом, – продолжил Науменко экскурсию. – Та дверь, что справа, ведёт на кухню, тут уж сами разберётесь, не маленькие. Из кухни, через отдельные двери, попадёте в туалет и в ванную комнату. Левая дверь ведёт в отдельный флигелёк, там товарищ Геннадий Банкин поселится, в соответствии с полученными инструкциями. Держите, товарищ, ключ. ... А семейные пары сотрудников НКВД разместятся наверху. Кто тут у нас на ком женат? Ничего страшного, что пока не расписаны, это мы в секунду оформим. ... Так, понятно. Вот вам два ключа, сами апартаменты поделите, тем более что они одинаковые, как настоящие однояйцовые близнецы. ... Так, теперь напишите мне на листке размеры одежды и обуви каждого из вас. Вот вы, девушка, как вас зовут? Вот вы, Зинаида Ивановна, и напишите! Так, что ещё? Здесь небольшой чулан, в нём заскладирован недельный продовольственный паёк на всю вашу группу. В том шкафу – чистое постельное бельё, его по субботам меняют. Хлеб и всё остальное будете покупать в нашем магазине, денежное довольствие завтра получите в бухгалтерии. Пока всё, не буду вам мешать, устраивайтесь, я к вам ещё вечером загляну...

В их с Зиной апартаментах было две комнаты: та, что поменьше, спальня с шикарной двуспальной кроватью, посмотрев на которую Зина тут же покраснела до самых корней волос; и вторая – двадцать квадратных метров, в которой располагались два больших письменных стола, стулья, одёжный шкаф и несколько пустых книжных полок.

– Никит, это – правда? Может, я просто сплю? Проснусь, и всё пропадёт? – радостно спросила Зина, упав спиной на широкую кровать и восхищённо разглядывая узоры потолочной лепнины.

– Сейчас мы это тщательно проверим, – серьёзно пообещал Ник и пошёл запирать дверь на задвижку...

Потом они – уже без всяких перерывов на разные глупости – до самого вечера занимались комплексной уборкой помещений: тщательно подмели и помыли полы, со всей мебели стёрли пыль, навели порядок на кухне, в ванне и туалетах, даже за окна принялись.

Айна практически ничего не умела, но очень старалась, училась и схватывала всё буквально на лету...

Ближе к вечеру капитан Науменко привёз свёртки с новой формой, коробки с обувью: кожаные сапоги – для повседневной носки и чёрные ботинки (женщинам – чёрные же туфли на каблуках-рюмочках) – для торжественных мероприятий, а также швейную машинку «Зингер».

Заставил всех примерить форму, потом взял коробочку с английскими булавками и принялся что-то там ими подтыкать, делать пометки мелом, большими портновскими ножницами отрезать куски ткани, а потом до самой полуночи сидел за швейной машинкой, отгоняя её стрёкотом от особняка злющих комаров.

Уже поздней ночью капитан заставил всех в очередной раз влезть в форму, осмотрел придирчиво, довольно покивал головой и отбыл к родимому очагу...

Ник, смертельно усталый от всех перипетий этого длинного дня, быстро разделся и лёг в постель, намериваясь тут же уснуть. Но не тут-то было! В коридоре ещё долго грохотало, шуршало и цокало: это Айна под руководством Зинаиды осваивала нелёгкую науку передвижения на каблуках, ещё и в узкой юбке при этом.

На заре Зина юркнула к Нику под одеяло, пропихнула свою тонкую горячую руку ему под шею и жарко зашептала в ухо:

– А ещё, представляешь, пришлось Айне ноги брить. Как же она, бедняжка, испугалась. Глаза стали – как у смертельно раненного моржа...

Мероприятие в Смольном на Ника не произвело какого-то особого впечатления: подумаешь, красные ковровые дорожки и мебель антикварная, не такое ещё видали. А, вот, все его друзья-товарищи-подруги, за исключением Банкина, тоже успевшего в своём Университете ко всякому привыкнуть, были просто ошарашены, жались к стеночке, бледнели и краснели, рассматривая парадные интерьеры совершенно круглыми от изумления глазами...

Сперва товарищ Жданов, мужчина упитанный и скучный, сказал несколько расплывчатых тёплых фраз в их адрес: о бойцах невидимого фронта, всегда нестигаемо стоящих на страже интересов страны, потом в кабинет вошёл товарищ Фриновский...

Вот этот – да, импозантной внешностью не был обделён: ростом под два метра, плечи широченные, на обветренном лице вольготно располагалась парочка глубоких кривых шрамов. Оставалось только массивную золотую серьгу вдеть ему в ухо и бандану повязать на голову – и получится вылитый забубённый пират Карибского моря.

Фриновский не был расположен тратить время на всякие глупые сантименты: коротко поздравил с выполнением важного правительственного задания, вручил всем коробочки с наградами, да и выставил из кабинета, пожелав на прощанье новых громких успехов...

Нику вручили орден Боевого Красного знамени – как командиру подразделения, остальным подарили громоздкие наручные часы с памятной гравировкой.

Да и с очередными званиями никаких неожиданностей не произошло: Ник стал капитаном, Банкин и Сизый – старшими лейтенантами, Зина и Айна – младшими лейтенантами.

А ещё через несколько дней всем вручили новые паспорта, причём Нику и Зине, а также Лёхе и Айне, уже с отметками ЗАГСа.

Вот, такие свадьбы получились, в рабочем порядке, так сказать. Кольца обручальные уже где-то месяца через четыре купили, как только денег с высоких «чекистских» зарплат удалось накопить....

Начались скучные серые будни. Первую неделю все писали многочисленные рапорты и объяснительные записки – относительно событий, произошедших во время недавней чукотской эпопеи. Айна же и Сизый, автоматически попавшие в разряд малограмотных, диктовали свои показания молоденьким стенографисткам, особыми приметами которых являлись стальные спокойные глаза и вежливые ледяные улыбки.

Неожиданно Иван Георгиевич заинтересовался батюшкой Порфирием и капитаном утонувшей шхуны «Кукусъ» Сергеем Анатольевичем Куликовым:

– Ты, Никита Андреевич, мне про них поподробнее напиши. Вскоре и наша служба начнёт обрастать собственным флотом, так что проверенные в деле моряки нам всенепременно понадобятся.

После завершения этих процедур Бессонов со всеми, как и обещал, провёл индивидуальные беседы и составил для каждого персональный график занятий...

Первая половина дня посвящалась сугубо общеобразовательным предметам: Айна и Сизый начали с самых азов – грамматика, письмо, алгебра с геометрией, Зина изучала радиомеханику, разные волновые законы и теории, Ник и Банкин усердно занимались иностранными языками, знакомились с обычаями и бытовыми особенностями самых разных стран.

После обеда проходили занятия по диверсионной грамотности: взрывное дело – минирование-разминирование, – рукопашный бой, работа с разными видами холодного оружия, яды и противоядия, методы жёсткого и мягкого допроса, психологические тесты, стрельба из всех видов огнестрельного оружия и ещё многое другое, всего не перечесать...

График обучения был очень плотный: подъём в шесть утра, в семь уже начинались занятия, последнее из которых заканчивалось в десять вечера, воскресенье – единственный выходной.

В первый месяц уставали все, чуть не засыпали за учебными партами, но потом ничего – постепенно втянулись.

Дни понеслись нескончаемой чередой, вот уже и новый 1939 год наступил совсем незаметно. По этому поводу даже предоставили три дня отдыха...

Лёха и Айна обучались по индивидуальной программе, но уже с середины января стали заниматься в общей группе испанским языком, видимо, в свете предстоящих операций этот язык для них был определён как приоритетный.

В конце марта Айна родила двойню – мальчика и девочку. Незаметно так родила: в среду вечером отпросилась с занятий по правилам хорошего тона в высшем европейском обществе, а в субботу утром уже выписалась с малышами из ведомственной больницы.

Девочку так и назвали – Мартой, а мальчика – Афанасием, в честь чукотского дедашамена...

Сизый на радостях, затребовав у Бессонова детские кроватки, пелёнки-распашонки и ящик грузинского коньяка, в ближайшее воскресенье закатил пир горой. Впрочем, в понедельник все, включая Айну, дисциплинировано вышли на занятия, опоздавших и выбывших по состоянию здоровья не наблюдалось.

Теперь с утра в особняк стала приходить няня – в звании красноармейца, на попечение которой Айна и отдавала малышей, да и сама каждую свободную минуту прибегала к ним, благо, что от учебного центра до дома было совсем недалеко, минут семь-восемь пешком.

– Никит, – иногда спрашивала Зина, – а мы-то с тобой? Когда будем заводить детишек?

Ник только плечами неопределённо пожимал, мол, как получится, как Бог даст.

Не мог же он сознаться любимой женщине, что нет у него шансов на обзаведение потомством. Хотя, чёрт его знает, может, и ошибался тогда шаман? Тут только Время может однозначно ответить на этот вопрос...

На всё лето новоявленные курсанты выехали в летний лагерь – на ту же учебную базу, расположенную на ладожском мысе Морье.

Больше стало практических занятий, учений, работы на ближайшем полигоне: стреляли, взрывали, разминировали – с утра до вечера. И продолжали упорно заниматься иностранными языками: Ник с Банкиным уже и немецкий вовсю осваивали, Зина прилежно изучала итальянский, Сизый и Айна пробовали даже и по-португальски общаться между собой.

С сентября месяца, наконец-таки, начали знакомиться и с содержанием возможных операций, запланированных на следующий, 1940 год.

Дело было в воскресенье, сразу после обеда. Неожиданно приехал Бессонов в сопровождении мрачного старшины и няни-красноармейца. Старшина осторожно поставил около обеденного стола два пухлых портфеля, дожидаясь, очевидно, когда няня вместе с Мартой и Афанасием отправятся на прогулку. В соответствии, видимо, с полученным приказом.

– Рассаживайтесь, товарищи! – предложил Иван Георгиевич. – Пришло время поговорить и о серьёзных вещах...

Судя по тому, что рассматривалась возможность проведения всех трёх операций в течение одного года, и все планы изучались группой в полном составе, Ник понял, что это обсуждение носило чисто-предварительный характер. Могло оказаться, что вся группа будет направлена на выполнение одного задания, но существовала вероятность и того, что придётся разбиваться на части и параллельно проводить сразу несколько операций.

Первая операция планировалась как весьма масштабная и носила громкое кодовое наименование – «Корзинка с яйцами». Речь шла об одноразовом уничтожении всей верхушки Третьего Рейха, традиционно собиравшейся летом на вилле Мартина Бормана, расположенной в Баварских Альпах.

Сам Бессонов откровенно сомневался в успехе этого амбициозного проекта:

– Шансы, что операция, всё же, будет проводиться, ничтожно малы. Должно произойти несколько абсолютно невероятных совпадений, чтобы завертелся весь механизм. Не забывайте себе головы этими ненужными деталями. Поставленная перед вами задача очень проста: выучить наизусть географическую карту примыкающей к вилле местности, досконально запомнить план самой виллы, месторасположение постов, графики смен дежурных караулов... – Он вынул из портфеля и аккуратно разместил на краешке обеденного стола несколько типографских карт, тоненькую стопку машинописного текста и несколько листков с нарисованными от руки планами помещений. – Если всё срастётся, и другим нашим товарищам удастся организовать надёжные коридоры для прохода к вилле Бормана, то вы должны быть готовы к следующему: проследовать в нужный момент по этим коридорам к объекту, заминировать его, подорвать и вернуться обратно живыми. Ничего сложного. Необходимо выучить наизусть все эти планы и карты – чтобы от зубов все мелочи отскакивали, потом ещё на макете потренируетесь, выстроенном в натуральную величину на Валдайской возвышенности...

Второе мероприятие выглядело, наоборот, очень даже прозаично. Необходимо было отправиться на Кольский полуостров, причём, в строго-определённое место, и провести там тщательные поиски строго-определённого человека, которого по нахождению необходимо было дотошно допросить. Да и называлась эта операция куда как знакомо и буднично – «Трёхгранный стакан»...

В этот раз Иван Георгиевич выложил на стол толстую стопку самых разнообразных документов: старых журналов, пожелтевших от времени газет и многочисленных протоколов допросов.

– Дело заключается в следующем. Несколько лет при нашем Комиссариате существовал специальный отдел, сотрудники которого изучали разные непонятные и странные явления, искали древние клады, ну, и тому подобное. Возглавлял эту службу Глеб Иванович Бокий, человек заслуженный, старый чекист, личный выдвиженец самого товарища Ленина. Но, как это часто и бывает, разбаловался наш Глеб Иванович, нюх потерял и поверил в свою полную безнаказанность. Стал казённые деньги спускать на ветер, на своей даче в Купчино устроил самый настоящий вертеп: с беспробудными пьянками и таким махровым развратом, что и сам Гришка Распутин позавидовал бы. Арестовали, конечно, потом и расстреляли, как и полагается.... А вот его заместитель, Александр Барченко, человек учёный и интеллигентный, на допросах – с пристрастием, конечно же – порассказал много любопытного. – Бессонов бросил поверх стопки с документами и журналами пачку листов коричневатой бумаги, исписанных убористым почерком. – Прочитайте всё, разберитесь. Похоже, что на Кольском полуострове одна из экспедиции Барченко (их три было: в двадцать втором году, в тридцать четвертом и в тридцать шестом), и вправду, обнаружила некие важные раритеты. Только, скорее всего, все эти находки успешно утекли за рубеж. Во-первых, Бокия постоянно требовались деньги на его безобразные оргии, а Барченко очень интересовался Тибетом. В результате один из них получил вожелённые финансы, а другой – подробные карты Тибета, описание тамошних монастырей и копии древних летописей.... Но к тому времени, когда Барченко во всём признался, Бокия уже расстреляли, а вся их коммерция шла, как раз, именно через Глеба Ивановича. Где искать следы этого иностранного контрагента? Товарищ Сталин показания Барченко внимательно прочитал и заинтересовался одной находкой. Называется эта штукавина – «Чаша Святого Грааля». Прочитаете потом про неё. Задача очень простая: убедиться – была ли эта Чаша, действительно, найдена? А если была, то где теперь она находится? Существует всего одна

реальная зацепка. На Кольском полуострове есть большое озеро, называется Сейдозеро, а на его берегу живёт один человек – по прозвищу «Синица», он лично знаком с этим иностранцем, который все найденные артефакты скупал у наших ушлых гавриков...

– Если это так важно, то почему искомого Синицу не нашли до сих пор и не доставили в Ленинград? – нетактично встрял Сизый.

– Пытались, конечно, – поморщился Бессонов. – Три группы уже туда послали, одну за другой. Никто живым не вернулся. Поэтому – вся надежда только на «Азимут», вы же на Чукотке такие чудеса живучести продемонстрировали...

Третья операция была закодирована как – «Зверёныш». Суть её была проста: необходимо было, во что бы то ни стало, вернуть в СССР все бумаги и документы, вывезенные по разным каналам из страны товарищем Троцким, Львом Давыдовичем.

– Все бумаги вернуть необходимо! – терпеливо объяснял Бессонов. – Поймите – все! Это личный приказ товарища Сталина! Гражданин Троцкий, он же – Лейба Давидович Бронштейн, личность хитрая и коварная, от него всего можно ожидать. Уже без малого десять лет он нашу службу водит за нос, зараза. Извините за грубое выражение, но – накопело... Постоянно оставляет ложные следы, подбрасывает хорошо-сработанные подделки, на нервах откровенно играет. В Турции выкрали у него архив, но не обнаружили нужных бумаг, в Норвегии с помощью местной полиции конфисковали два чемодана, забитых документами, – опять осечка. Да и в Мексике наши люди поработали неплохо, но тоже – без существенных успехов...

– А что там такого важного, в этих бумагах? Что-то конкретное и определённое будем искать? – поинтересовался дотошный Банкин.

Иван Георгиевич тут же стал мрачнее тучи:

– Это – не вашего, да и не моего ума дело. Это – государственная тайна самого высшего уровня. Даже если вам, товарищи чекисты, и попадёт в руки настоящий архив господина Бронштейна, то знакомиться с имеющимися в нём документами категорически запрещается, вплоть до расстрела. Всем всё ясно? Если что, я могу и повторить! А? Хорошо, поверю, двигаемся дальше..., – он с видимым трудом водрузил на стол тяжёлый портфель. – Здесь находятся подробные отчёты наших агентов обо всех основных географических перемещениях Льва Давыдовича, начиная с двадцать девятого года, списки лиц, с которыми он встречался, а также описание всех бытовых нюансов его частной жизни. Необходимо провести тщательные аналитические исследования, выявить круг лиц, могущих знать место хранения истинного архива. После чего необходимо будет выехать за рубеж, повстречаться со всеми фигурантами, представляющими оперативный интерес, обнаружить данный архив, изъять его и доставить его в Москву.... Задача ясна?

– В глобальном контексте – безусловно, – отметил Сизый, полюбивший в последнее время щегольнуть заумными словечками. – Но вот чего не могу понять, хоть убей, так это того, а зачем эту змею подколодную тогда, в двадцать девятом году, живым выпустили из страны? Почему прямо за кордоном потом не шлёпнули, когда он окончательно раскрыл свою гнилую сущность?

– В том-то вся и штука, – снова поморщился Бессонов, словно только что лимона отведал, – бестия он, этот Троцкий. Каналья хитрая. Сперва несколько лет он все важные документы за рубеж переправлял, а потом сам настоял на том, чтобы его выпроводили за границу. И предупредил сразу, мол: – «Если меня убьют, то такой компромат всплывёт на поверхность, что чертям в аду станет тошно...». Вот, такие дела. Ну, а как только будет найден настоящий архив, так и господину Бронштейну придётся попрощаться с этим прекрасным Миром...

Ник напряг память: если он ничего не путал, то Троцкого убьют в августе будущего, сорокового года, следовательно, задание было вполне выполнимым...

Опять череда дней закружилась чёрно-белыми картинками будничного калейдоскопа.

Все карты и планы по «Корзине с яйцами» были выучены назубок, под городком Осташков даже провели учения: успешно взорвали – к нехорошей матери – каменное поместье какого-то дореволюционного купца, перестроенное под баварскую дачу Мартина Бормана.

По остальным двум операциям произошло естественное разделение коллектива: чета Сизых с рвением засела за изучение заграничной жизни товарища Троцкого, а Ник с Банкиным всерьёз увлеклись делом Бокия-Барченко. Зина же всему этому предпочитала учебники по радиомеханике и волновой физике.

– Попробую я сделать небольшое резюме по нашему вопросу, – предложил Банкин через полтора месяца. – Вот, послушай, командир.... С чего те поиски на Кольском полуострове начались – дело сугубо десятое. Всякие теории о «Золотом Веке», цикличности обледенений-потеплений, всё это – только теории. То бишь, обычная слюнявая лирика. Перейдём к голимым фактам, а именно, к имеющимся у нас фотографиям, на которых зафиксированы некоторые находки, сделанные экспедициями тридцать четвёртого и тридцать шестого годов. Итак..., – он стал по одной бросать на стол небольшие по размерам чёрно-белые фотографии. – Многотонные, гладко-обтёсанные прямоугольные камни на вершине сопки. Остатки древней дороги в тундре. Каменная «свеча» на пару тонн. Куб из базальта с длиной каждой грани – ровно в один метр. Волшебный Камень с Ориона. Ну, и она – Чаша Святого Грааля.... Каменный цилиндр-свечу и базальтовый куб пытались расколоть на части, но ничего у них не вышло. Волшебный Камень с Ориона – просто очень большой кристалл неизвестного металла. А Чаша Святого Грааля – это, судя по фотографии, чаша для питья, предположительно – платиновая, в которую помещается литра три жидкости. Возможно, что она, действительно, обладает некоторыми необычными свойствами.... Из записок Александра Барченко следует, что с её помощью он наблюдал за жизнью монахов какой-то странной обители, расположенной в горах Тибета. Цитирую дословно: – «Налил в Чашу воды из родника, пристально смотрел на поверхность целый час, ничего не видел. От усталости заслезились глаза, слезинка капнула прямо в Чашу. Тут же вода помутнела и словно бы закипела, потом по её поверхности пошли круги.... Когда поверхность жидкости опять стала абсолютно-гладкой, я увидел, словно в зеркальном отображении, то, о чём мечтал на протяжении последних пяти лет: древний монастырь на склоне горбатой горы, молодые послушники в оранжевых одеждах совершают какой-то странный обряд, их движения удивительно плавны и грациозны...». Ну, и так далее, ещё на добрых сорок пять страниц. Потом, как утверждает Барченко, и Глеб Бокий в Чаше тоже увидел то, о чём давно и страстно мечтал, а именно, наблюдал-подсматривал за интимной жизнью актрисы Любви Орловой. Так что, можно предположить...

– Ладно, кончай разглагольствовать, – невежливо прервал его Ник. – Тоже мне нашёлся – борец с лирикой.... Давай-ка, братец, по делу: как этого Синецу отыскать, и куда сгинули три поисковые группы?

Гешка разложил на столе подробную географическую карту, взял в руки остро-отточенный простой карандаш.

– Вот, смотри, командир. Это – Сейдозеро. На его берегу и находится избушка Синецы. Озеро непростое, со всех сторон окружено высокими отвесными скалами, пройти к нему можно только по данному узкому горному ущелью.... Идеальное место для западни. Если существует реальная необходимость, то там можно не то, что три группы, а и все тридцать три уничтожить без шума и пыли. Предлагаю – пойти в обход. Заказать специальную амуницию и приспособления для лазанья по скалам, подойти к Сейдозеру с противоположной от ущелья стороны и прямо по скалам спуститься вниз, к самой избушке Синецы...

Логика в предложении Банкина, безусловно, присутствовала. Ник тут же написал Бессонову подробную докладную записку.

У Сизого тоже наметился определённый прогресс. После долгих размышлений они вместе с Айной наметили одного очень перспективного фигуранта.

– Зовут этого деятеля – Александр Фёдорович Амагов. Закадычный друг детства нашего Лейбы Давидовича, ещё по Херсонской губернии. Уехал из СССР в двадцатом году, но потом несколько раз, по личному разрешению Троцкого, приезжал в нашу страну. Особенно часто – в двадцать шестом и двадцать седьмом годах. Начиная с двадцать девятого года, встречался с Троцким достаточно регулярно, один раз в три месяца, что очень напоминает ежеквартальные отчёты. Например, бухгалтерские.... Предлагаю брать этого Амагова в оборот и трясти – как грушу высоченную. Нюхом чую, что вышли мы с Айной на правильный след. Живёт данный фигурант в Клагенфурте, есть в Австрии такой городишко – задрипанный и занюханный...

И про эти Лёхины изыскания Ник написал очередную докладную записку.

Наступил март 1940 года, жизнь текла плавно, без существенных изменений, никаких кардинальных перемен в ней не намечалось: занятия с раннего утра до позднего вечера, совершенствование в знаниях различных иностранных языков, бесконечные тренинги, редкие выезды на пленэр...

За окнами тихо дремал тёплый весенний вечер, Ник крепко обнимал Зину за горячее плечо, всё ещё ощущая на своих губах сладкий медовый вкус её губ, и готовился погрузиться в призрачное забытье сна...

Около забора резко затормозила одна машина, за ней вторая, третья.

Зина испуганно вскочила с постели, проворно подбежала к открытому окну.

– Никит, – позвала жалобно. – Там – чёрные «воронки».... Неужели, это по наши души? За что?

Глава вторая

Странствий – новая заря, и куча добрых дел

У страха – глаза велики, напрасно Зина испугалась.

А может, и не напрасно. Кто, в конечном итоге, знает? Здесь всё одно к другому привязано: не было бы этого ночного визита, глядишь, всё совсем по-другому могло бы завертеться...

Из первой машины вылез Иван Георгиевич, из второй – непрезентабельный мужичок в очках и полувоенном френче, с потрёпанным портфелем под мышкой, внешне похожий на бухгалтера провинциальной макаронной фабрики. Из третьего «воронка» – никто не вышел...

В столовой собрались все заспанные обитатели секретного объекта № 5, за исключением годовалых Афанасия и Марты.

– Доброй ночи, товарищи чекисты, – как всегда интеллигентно поздоровался Бессонов. – Извините за столь поздний визит, но образовались срочные дела. Познакомьтесь.

– Лаврентий Павлович Берия, – негромко представился «бухгалтер»...

Ник был поражён: в его представлении «Берия» – это жирный низенький грузин в пенсне на горбатом носу и с мерзкой плотоядной ухмылкой матёрого монстра на лице. И глаза за стёклышками позолочённого пенсне должны быть непременно глумливыми и бегающими, и живот – воздушным шариком выпирать вперёд, а лоб обязательно должен быть низким и покатым – как у чучела неандертальца из Зоологического музея.

У этого же субъекта внешний вид был совсем обыкновенный: среднего роста, без признаков нездоровой полноты, глаза – спокойные и грустные, а лоб обычный и выпуклый.

И, главное, вместо зловещего пенсне на носу среднего размера располагались самые обыкновенные очки, правая дужка которых была перетянута пошлой синей изолентой...

Берия, похоже, сразу же всё понял и обратился непосредственно к Нику, причём, безо всякого грузинского акцента:

– Вижу, вы очень удивлены, товарищ Иванов? Совсем другим меня представляли? Да, стереотипы – глупость страшная. Видимо, бороться с ними человечеству предстоит ещё долгие-долгие века.... Здравствуйте, товарищи, – обратился уже ко всем. – Присоединяюсь к извинениям Ивана Георгиевича, но не удержался: был по срочным делам в Ленинграде, захотел лично познакомиться со всеми вами.... Товарищ Иванов, не будете ли так добры – шторы на окнах раздвинуть, пока я познакомлюсь с другими членами вашего дружного коллектива? Не люблю, знаете ли, задёрнутых штор...

Пока Берия знакомился с остальными членами «Азимута», Ник не без труда раздвигал тяжёлые бархатные портьеры. Последним было окно, выходившее на узорчатую калитку. Ник произвольно бросил взгляд на «воронки»: два шофёра в лейтенантских званиях о чём-то негромко переговаривались между собой, солидно дымя папиросами, а за стёклами третьей машины (может, просто показалось?) блеснули —

жёлтым и тусклым – чьи-то колючие глаза...

«Это он специально придумал – со шторами», – отрешённо подумал Ник. – «Просто решил меня ещё кому-то показать. Только, вот, кому? Кто там – в третьем «воронке»?».

Ник хорошо помнил слова Афонии-шамана: «А ты, Странник, помни, что главный *Знающий* в городе большом живёт, в высокой яранге, под красными звёздами. Волчья у него кровь. Но когда надо будет, когда Смертельная Тень над твоей головой закружит, он поможет...».

Ник тогда про Берию сразу и подумал, ошибался, как выясняется...

Зина и Айна оперативно организовали самовар и напоили гостей крепким чаем с фигурными, правда – слегка каменными, пряниками.

Дождавшись чуть заметного кивка от Берии, Бессонов напористо перешёл к делу:

– Пришла пора, товарищи чекисты, приступить к осуществлению запланированных ранее операций. Речь идёт о мероприятиях, закодированных нами как «Гранёный стакан» и «Зверёныш». Обстоятельства по «Корзине с яйцами» изменились, – закашлялся и испуганно покосился в сторону Берии, однако, быстро справился с собой и спокойно продолжил: – Конечно же, произошла определённая досадная задержка, связанная с финскими событиями, которые закончились совсем не так, как предполагалось. Впрочем, сейчас всё уже позади, будем, наконец-таки, начинать...

Специальный вагон, в котором находились только Ник, Банкин и их пять больших рюкзаков, негромко пересчитывал рельсовые стыки – синхронно с другими, обычными вагонами пассажирского поезда «Ленинград – Мурманск».

Сизый ещё полторы недели назад отплыл на сухогрузе «Феликс Дзержинский» – вместе с энным количеством кубов строевого леса, по направлению к порту Киль, откуда уже должен был направиться в Клагенфурт.

Прощаясь, Айна вручила Сизому костяную фигурку матёрого моржа, чтобы все Злые Тени, без исключений, разбегались с Лёхиного пути. Нику же, через неделю, подарила маленького белого медведя, вырезанного из голубовато-сиреневого халцедона, а Банкину – старую почтовую открытку с изображением знаменитого парохода «Союз».

– Этого медведя мой отец сделал ещё в молодости, – проговорила, грустно глядя Нику в глаза. – Это как у военных шевроны. У кого есть такой медведь, тот – настоящий шаман. Ты, командир, натуральный белый шаман... А ты, Геша, – внимательно посмотрела на Банкина, – береги картинку с этим пароходом. Это правильный корабль, всегда в родной порт возвращается. Всегда – возвращается...

Ник распухшими, избитыми до крови пальцами прикоснулся к опознавательному значку группы «Азимут», прикреплённому к полевой армейской гимнастёрке – строго напротив сердца: профиль товарища Сталина, а чуть ниже – золотые буквы «НКВД».

Опять он был в деле, снова начиналась Большая игра!

С того памятного визита Берии прошло уже полтора месяца, и почти всё это время они с Банкиным провели на озере Ястребином, где под чутким руководством инструктора Епифанцева осваивали азы скалолазания. Ник не строил иллюзий: стать за такой короткий срок приличным альпинистом совершенно невозможно, но теперь он был полностью готов – пусть и к неуклюжему, но действенному спуску к Сейдозеру.

В трёх рюкзаках из пяти находились прочные верёвки, карабины, крючья, надёжные ледорубы, специальные ботинки с острыми шипами, прочее горное снаряжение, в том числе – изготовленное по его собственным чертежам.

Айна и Зина остались на объекте № 5, в строгом соответствии с золотым правилом серьёзных диверсантов: всегда на запасной скамье должны оставаться надёжные дублёры, могущие в нужный момент прийти на помощь или даже заменить выбывших из строя игроков основного состава...

Банкин давно уже видел седьмой сон, сладко и безмятежно похрапывая, а Нику совсем не спалось. Стоял возле квадратного вагонного окошка, смотрел на редкие, проплывающие мимо огоньки карельских деревушек, и бурчал под нос дурацкую песенку:

– Странствий новая заря – на полночном небосклоне. На изломе сентября, я один – в пустом вагоне...

Песенка, действительно, была дурацкой: конец апреля – это совсем не то же самое, что излом сентября. Просто мелодия песни звучала в унисон с мелодией, громко отбиваемой колёсами поезда...

Ранним утром они высадились на вокзале Кандалакши – обычного припортового городка-посёлка, каких много на севере России: бараки, хижины, землянки, снова бараки, халупы, вновь бараки. Обычное дело, в общем-то...

Местами на улицах ещё лежал серый снег, но весной пахло уже отчётливо, ручьи текли повсеместно, журча светло и звонко.

– Что ещё за название такое? – возмущённо недоумевал Банкин, пялясь на станционную вывеску. – Чего означает-то?

– Существует одна любопытная версия на этот счёт, – поделился Ник с другом своими знаниями. – Раньше, когда Сибирь плотно ещё не освоили, дорог до неё, хоть и плохоньких, не проложили, каторжан ссылали сюда, в Северную Карелию да на Кольский полуостров. Когда этап доходил до местного острога, то с эпатируемых каторжников снимали кандалы, мол, куда они отсюда убегут, глухомань ведь полная. Легенда даже родилась такая: когда добредали каторжники до этого места и от кандалов освобождались, то вздыхали облегчённо, мол: – «Всё, кандалам – ша!». Вот, и «Кандалакша» отсюда со временем получилась.

– Красивая легенда, – согласился Гешка.

Их встречал начальник местного отдела НКВД – худой высоченный майор средних лет по фамилии «Музыка», – в сопровождении десятка краснощёких и упитанных подчинённых.

– Здравствуйте, товарищи чекисты, – пробулькал тусклым фальцетом майор и уважительно покосился на заветные значки с профилем Вождя. – Получил радиogramму, телефонограмму и телетайпное сообщение относительно вашего прибытия. Добро пожаловать в нашу славную Кандалакшу...

Отдав подчинённым необходимые распоряжения относительно вещей дорогих гостей, Музыка лично проводил Ника и Банкина до ведомственной гостиницы, проконтролировал лояльность администрации, после чего невзначай поинтересовался ближайшими планами.

– Нам надо срочно добраться до деревни Ловозеро. Желательно, выехать туда уже завтра, – кратко ответил Ник.

– Это совершенно невозможно, – искренне расстроился майор, изобразив на своей физиономии вселенскую скорбь.

– Что вы сейчас сказали? Как это – невозможно? – тут же повысил голос Банкин, который за время путешествия в поезде основательно переспал и по этой причине пребывал в отвратительном настроении. – Это, милейший товарищ Музыка, революционным трибуналом попахивает, – добавил голосом товарища Ленина.

Майор стал белее тщательно-накрахмаленной гостиничной простыни, схватился ладонью за левую половину груди и принялся раболепно оправдываться:

– Вы не так меня поняли, товарищи. Совсем даже неправильно.... В соответствии с полученными инструкциями я уже всё запрошенное приготовил: почти новую полуторку, необходимый запас топлива, продовольствие, палатки, спальные мешки и всё прочее. Но вмешались погодные условия. На Крестовском перевале бушует метель, необходимо немного подождать, суток двое-трое...

Ник подмигнул Банкину, мол, всё нормально, охолони немного.

В своё время Ник последние два выпускных класса проучился в этих местах, в посёлке Полярные Зори, который лет так через тридцать пять *будет* построен в двадцати километрах к северу от этой Кандалакши, недалеко от Кольской АЭС, так что о Крестовском перевале он знал не понаслышке...

Даже в *те* времена перевал пользовался дурной славой.

Ранней весной и поздней осенью – место страшное, бились *тогда* там машины десятками за один раз. Внизу стоит плюсовая температура, на перевале – минус, пройдут осадки: сильный дождь или просто туман росой осядет, – коварная ловушка и готова. Идёт на перевал колонна гружёных лесовозов, держа приличную дистанцию между машинами. И, вдруг, передний выезд

жают на гололёд, но ничего – со скрипом, но проезжают. За ним и остальные лесовозы. Метров через двести гололёд превращается в лёд голимый: передний начинает вниз скатываться, под колёса второму, тому тоже деваться некуда – начинает сдавать вниз. Но сдают-то лесовозы назад не строго по прямой, косоротит их постоянно на скользком льду, разворачивает поперёк дороги. А тут с перевала, как назло, спускается одинокая вахтовка. Не затормозить ей на льду, вот и врезается со всей дури в развёрнутый лесовоз, – и покатились все вниз со страшной силой, огненная полоса километров за пятнадцать видна...

Зная об этой печальной особенности Крестовского перевала, Ник ругать майора не стал, наоборот, попросил вежливо, чтобы как-то успокоить и сгладить Гешкин «наезд»:

– Всё понятно, майор Музыка. Нет к вам никаких претензий и нареканий, успокойтесь. Лучше вот – прогуляйтесь вместе с нами, покажите, так сказать, местные достопримечательности...

Достопримечательностей в *тогдашней* Кандалакше было ровно две: морской порт, забитый до отказа всевозможными судами и судёнышками, и место впадения реки Нивы (прошу не путать с Невой!), в Белое море. Действительно, очень красивое местечко – с точки зрения ландшафтной эстетики...

Они поглазели в порту на неуклюжие сухогрузы, загружаемые какой-то местной рудой (то ли апатитовым концентратом, то ли еще чем аналогичным, Музыка и сам толком не знал), и на непрезентабельные рыбацкие баркасы, выгружавшие на берег холщёвые мешки и деревянные ящики с пикшей и камбалой.

Вдоль берега направились к устью означенной Нивы.

Здесь речные воды вливались в море с достаточно большой скоростью, создавая целые островки и архипелаги белой и розовой пены, разносимые морскими течениями и ветрами во все стороны.

Над бурными струями реки, врывавшимися в морскую стихию, безостановочно кружили шумные стаи упитанных чаек, то там, то тут из воды выпрыгивали мелкие рыбёшки, по всей акватории губы озабоченно сновали рыбацкие лодки всех фасонов и размеров.

– А селёдка беломорская уже подошла к берегу? – небрежно поинтересовался Ник, демонстрируя свою осведомлённость. Ему, действительно, *раньше* уже доводилось здесь ловить рыбу, «беломорку» – в том числе.

– С неделю, как подошла, – Музыка посмотрел на Ника с уважением. – Если, товарищи, хотите порыбачить, то милости просим. Вон, видите, у пирса лодка пришвартована: тёмно-зелёные борта с широкой белой полосой? Это моего тестя лодка, можете брать в любое время, как только надумаете. Я вас и снастями обеспечу, ватники выдам – чтобы не замёрзли на воде, сапоги резиновые, прочее...

На обратном пути дорогу им преградила длинная узкая колонна заключённых, одетых в серые неказистые робы. Худые измождённые лица, голодные страшные глаза, шаркающая походка. В колонне совсем не было молодых мужчин, в основном – женщины всех возрастов и явные старики.

– Шибче ногами двигайте, мухи сонные, шибче! – подгоняли зэков мордатые охранники, видя, что колонна задерживает важных военных.

– К северной окраине порта следуют, будут камни для нового мола засыпать в море, – равнодушно объяснил майор.

Вдруг, над толпой взлетели вверх тонкие женские руки, и раздался знакомый звонкий голос с лёгким акцентом:

– Мистер Ник! Это я – Мэри Хадсон! Мистер Ник, помогите, ради Бога! Помогите, умоляю!

– Прекратить разговоры! Вот, я тебе сейчас дам, шалава порченная! – взревел дюжий охранник и полез к кричавшей женщине сквозь толпу, выставив автомат прикладом вперёд, явно намереваясь этим прикладом и проучить провинившуюся.

– Отставить! – заорал Ник благим матом. Для верности выхватил из кобуры браунинг и пару раз пальнул в воздух.

«И чего это нам опять браунинги вручили, а не советское табельное оружие?», – подумалось некстати. – «Хотя, надо признать, совсем неплохой пистолет. Даже сам легендарный Эраст Фандорин к этой марке с уважением относился...».

– Отставить – бить заключённых! – дисциплинированно сдублировал команду майор, после чего обратился к Нику: – Что-то случилось, товарищ капитан? Готов незамедлительно оказать действенную помощь!

Ник, под удивлённым взглядом Банкина, спрятал пистолет в кобуру и жёстко распорядился:

– Сейчас, майор, мы пройдем в вашу Контору, куда охранники через тридцать минут должны доставить ту девушку, что кричала. Если с её головы упадёт хоть один волос, я вам не завидую, майор.... Совсем не завидую! Вам всё ясно?

В отделе Комиссариата Ник тут же по-хозяйски уселся за майорский стол и велел:

– Музыка, срочно предоставьте мне дело этой заключённой, зовут её Мэри Хадсон. Думаю, что папка с данным делом должно храниться у вас где-то в специальном сейфе. Ведь это – не простая заключённая, верно? Было, наверняка, секретное предписание? Где-нибудь так в апреле-мае тридцать восьмого года? Я прав?

– Так точно, – вяло доложил майор. – Тридцать первого апреля тридцать восьмого года пришло секретное распоряжение, а десятого мая и её, голубушку, доставили. Только, вот, я не знаю, распространяются ли ваши полномочия, товарищ капитан, на секретные документы... э-э-э, прошлых лет?

– Вы, что же, дорогой товарищ, сомневаетесь в полномочиях личной гвардии товарища Сталина? – голосом Иосифа Виссарионыча поинтересовался Банкин. – Как же так, дорогой товарищ Музыка? Чтобы вы знали, эти знаки различия нам в Смольном вручал лично товарищ Фриновский, Михаил Петрович, командарм первого ранга. А задание на эту командировку выдавал лично товарищ Берия.... Лично – Лаврентий Павлович! Понимаете, что это означает?

Руки у майора заходили ходуном. Он с трудом нашарил в брючном кармане связку ключей, суетливо бросился к длинному чёрному сейфу, стоявшему рядом с письменным столом, завозился, никак не попадая ключом в замочную скважину.

– Да я же всё понимаю, товарищи! Всё понимаю! Это я просто так, для соблюдения установленного порядка...

Наконец, Музыка отомкнул сейф, порылся в пачке разных документов и аккуратно положил на стол тоненький скоросшиватель, на котором значилось: «Специальное Учреждение 6102, город Кандалакша. Дело № 13245. Заключённая Мэри Хадсон, личный номер – 65744/1. Дело – начато 31.04.38, закончено – ...».

Ник раскрыл папку и внимательно прочёл текст, размещённый на единственном находившемся в папке машинописном листе: – «Арестованная Мэри Хадсон, 1909 года рождения, уроженка города Нью-Йорка, Соединённые Штаты Америки. Содержать в лагере усиленного режима вплоть до особого распоряжения. Командир группы специального назначения «Азимут» – капитан НКВД СССР Курчавый П.П.», 30.04. 1938., подпись, печать.

– И это всё? – строго спросил Ник.

– Всё, – ответил Музыка испуганным шёпотом.

– И что же вы, любезный мой, кочевряжились? Капитан Курчавый, Пётр Петрович, героически погиб всё в том же тридцать восьмом году. Теперь я являюсь полномочным командиром «Азимута». В чём тогда дело?

– Так в бумаге же чётко прописано: – «Вплоть до особого распоряжения...», – промямлил майор. – А распоряжения, я имею в виду – в письменном виде, от вас пока не поступало...

«Бюрократия родимая!» – умилился Ник. Пододвинул к себе чистый лист бумаги и начертил, макая кончик перьевой ручки в скромную кубическую чернильницу: – «Заключённая Мэри Хадсон, личный номер 65744/1, изымается из Специального Учреждения 6102 города Кандалакша по служебной надобности. Командир группы специального назначения «Азимут» – капитан НКВД СССР Иванов Н.А. Дело закрыть». Подумал немного и добавил на всякий случай: – «Хранить вечно!»

Подписал, протянул бумагу Музыке, спросил насмешливо:

– Полагаю, этого будет достаточно? Кстати, майор, будьте так добры распорядиться, чтобы товарищу Хадсон в нашей гостинице был бы предоставлен отдельный номер. И насчёт рыбалки: если можно – организуйте завтра, после обеда.

– Конечно, конечно! – замахал майор руками. – Всё сделаем в лучшем виде. Не сомневайтесь, товарищи...

Ник уже собрался откланяться, даже на ноги поднялся, но тут вмешался Банкин:

– Подожди секунду, Никита Андреевич.... Помнишь, у нас на учебной базе в Морье был такой – Моисей Абрамович, по фамилии Шнипперсон? Ну, шоферил иногда, костюмерил, гримировал? Его тогда ещё по наводке Лёхи Сизого арестовали, помнишь? Так вот, я его заметил в той же колонне.... Может, и его тоже – типа освободить? Лёха же тогда пошутил, в смысле – хотел Моисею просто преподать урок жизненный. Может, достаточно уже наказали человека за его глупость? Делать добрые дела – так оптом, кучей целой...

– Вам, товарищ майор, случайно не нужен хороший портной? – душевно поинтересовался Ник.

Майор от такого поворота разговора совершенно опешил:

– Портной? Мне?

– Ну, в том смысле, что не вам лично, а всему славному городу Кандалакше в целом? Может, Дом быта у вас имеется?

– Да, конечно, имеется, год назад как открыли. Только у нас там сейчас кадровая проблема наметилась: директриса внезапно вышла замуж за морского офицера и уехала в Мурманск. Никак не можем найти достойной замены...

Уселся Ник обратно на майорский стул, взял очередной чистый лист бумаги, да и написал приказ, в соответствии с которым Шнипперсон Моисей Абрамович назначался на должность директора Дома быта № 1 города Кандалакши.

– Дело также закрыть? – почтительно спросил Музыка.

– Ни в коем случае, – почти серьёзно ответил Ник. – Просто «под сукно» положите. А если этот Шнипперсон подворовывать начнёт, то тогда и достанете, со всеми вытекающими...

Все вместе вышли во двор, а там Мэри стояла: в серой потёртой робе, с руками, заведёнными за спину, в окружении двух неприветливых конвоиров.

Изменилась она, конечно, за прошедшее время: похудела, под глазами чёрные тени залегли, вместо копны густых волос – рыжий ёжик, но зелёные глаза блестели ярко, никакой даже тени забитости и смирения со своей участью в них не читалось.

– Гражданка Мэри Хадсон! – откашлявшись, торжественно объявил майор Музыка. – В соответствии с особым распоряжением, ставлю вас в известность, что все обвинения с вас сняты, и вы полностью свободны.... Поздравляю, гражданка Хадсон!

Майор кивнул головой часовым и вместе с ними, как и было заранее приказано, удалился.

– Милый мой, дарлинг! – Мэри приготовилась броситься Нику на шею, но в последний момент остановилась, видимо заметила на его пальце обручальное кольцо.

– Да, – подтвердил Ник, осторожно пожимая худенькую руку.

– Как её зовут? – дрожащим голосом спросила девушка. – Какая она? Наверное, очень красивая?

– Очень, – согласился Ник. – Светленькая такая, Зиной зовут...

Поздним вечером они сидели в номере Банкаина и неторопливо пили чай из принесённого комендантом пузатого самовара.

Мэри уже помылась в душе, облачилась в голубую казённую пижаму и съела в гостиничной столовой три порции гречки с мерзкими рыбными котлетами.

Сейчас она допивала шестую кружку крепкого сладчайшего чая, покраснелась и даже пару раз икнула, смущённо прикрывая рот ладошкой. Несмотря на перенесённые тяготы и невзгоды, девушка не растеряла своего необычного шарма, была по-прежнему милой и привлекательной, даже короткий рыжий ёжик шёл ей необычайно.

Банкин, не видевший Мэри раньше, был явно очарован и откровенно поедал её глазами.

– Я так ничего и не поняла тогда, в Архангельске. Вы улетели, меня сразу же арестовали. Ничего не объясняли. Я спрашивала, а они меня били и кричали..., – девушка всхлипнула и прикрыла глаза, было видно, что воспоминания давались ей с большим трудом.

Банкин, скорчив сочувственную гримасу – словно сам вот-вот зарыдает, любезно протянул ей свой клетчатый носовой платок.

– Знаете что, Мэри, – предложил Ник, – вы без нас никуда не уезжайте. Мы через пару недель вернёмся, вместе уже и поедem в Ленинград. Спокойно живите в этой гостинице, никто вас не тронет, денег мы вам оставим – сколько потребуется. Хорошо?

– А куда вы уезжаете?

– Тут не очень далеко, в тундру, в полное безлюдье.

– Возьмите меня с собой! – девушка молитвенно сложила руки у груди.

«У весьма аппетитной груди!», – непроизвольно отметил про себя Ник.

– Я очень хочу – в тундру! Надоели мне все, хочу – в безлюдье! Я не буду обузой, так как многое умею: джиу-джитсу обучалась, альпинизму.... Возьмите меня с собой, мистер Ник, пожалуйста!

– Это совершенно невозможно, – нахмурился Ник.

– Командир, – неожиданно вмешался Банкин. – Нам же пригодятся лишние руки. Опять же – она альпинистка, подскажет, если что. А, командир?

Понятно, ещё одна жертва прекрасных глаз Скарлет О'Хары нарисовалась на безоблачном горизонте.

– Хорошо, чёрт с вами со всеми, – Ник махнул рукой. – Только вот, старший лейтенант Банкин, с майором Музыкой вы сами разбирайтесь – на предмет подбора походной одежды и обуви для миссис Хадсон, нового бойца группы «Азимут».

– Мисс Хадсон, – поправила его Мэри, подарив Банкину тёплый взгляд...

Они находились в этой лодке уже почти восемнадцать часов.

Сидели – как Богом проклятые, совершенно не представляя, как выпутываться из возникшей дурацкой ситуации...

И виной всему была Гешкина жадность: узнал у местных рыбаков, что лучше всего беломорская селёдка ловится на самом течении, поэтому запихал в холщовый мешок с пяток здоровенных камней, привязав к мешку толстенный канат.

Они выехали на самую стремнину, посередине русла реки Нивы, заякорились, канат крепко, хитрым морским узлом, привязали к борту лодки.

Морская ловля селёдки – дело увлекательное. Отпускается по течению прочный капроновый шнур, к концу шнура крепится тяжёлая самодельная блесна, недалеко от неё привязываются штук семь-восемь поводков с блестящими крючками, на крючки насаживаются кусочки мидий, собранных на прибрежных камнях.

Задёргался в руках шнур, подсекаешь, вытаскиваешь, а там висит целая гирлянда серебристых рыбёшек.

Не обманули местные рыбаки: к вечеру Ник и Банкин надёргали полное эмалированное ведро жирной беломорской сельди...

Уже на заходе солнца удачливые рыбаки решили двигать к берегу. Взялся Ник обеими руками за якорный канат, попробовал поднять мешок с камнями, но ничего у него не получилось, только воды в лодку начерпал. Вдвоём с Банкиным за канат взялись, потянули изо всех сил, мешок от дна даже не оторвали, а лодка чуть не перевернулась.

– Да Бог с ним, с этим якорем, – решил Ник, – развязывай узел и выбрасывай канат за борт.

Ага, конечно, умный нашёлся, не развязывается хитрый узел. Ножей с собой не взяли, ясен пень, пробовали канат спичками пережечь, но ветер-сволочь упрямо задувал огонь. Закончились спички. Банкин напоследок попытался канат зубами перегрызть, да где там, бесполезное занятие...

Раздеться да в воду броситься? До берега-то и недалеко совсем – метров триста пятьдесят всего.

Но, во-первых, вода ещё была слишком холодной, во-вторых, течение очень сильное – вынесет прямо в море. И, как назло, никого рядом нет, ни на берегу, ни в море.

Так они и просидели всю ночь, как дурики распоследние, в этой лодке, замёрзли до посинения, проголодались.

Часов в девять утра Гешка, толкнув Ника в плечо, протянул захваченный с собой бинокль.

– Посмотри, командир, там наша Мэри на берегу.

Ник поднёс бинокль к глазам.

Какой-то старый саам сидел, прислонённый к большому камню, а по его морщинистой щеке стекала тоненькая струйка крови.

А это что ещё за номер? Мисс Мэри Хадсон лежала на прибрежной гальке: сжимала в своих нежных ладонях старенький охотничий карабин и старательно целилась...

– Ложись! – заорал Ник и сильно дёрнул Банкаина за ногу.

Глава третья

Село Ловозеро и его обитатели

Ник неловко упал на дно лодки и сгруппировался, изображая из себя человеческий эмбрион. Именно в такой позе, по мнению преподавателей из учебного центра НКВД, следовало находиться при «слепом» обстреле со стороны противника.

Рядом с ним – таким же неаппетитным эмбрионом – скорчился Банкин.

«Один, два, три...», – считал про себя Ник количество прозвучавших выстрелов. – «Шесть, семь... И что это такое нашло на Мэри? Может, с ума сошла – от перенесённых лагерных тягот и невзгод?».

На цифре одиннадцать лодка вздрогнула, неожиданно тронулась с места и, влекомая быстрым течением, уверенно понеслась в открытое море. Выстрелы тут же прекратились.

Выждав минуту-другую, Ник уселся на скамью, взялся за вёсла и стал усердно грести, направляя лодку наискосок от берега.

Улыбающийся Банкин уверенно взгромоздился на кормовое сиденье и ехидно поинтересовался:

– Куда гребёшь-то, командир? В Архангельск, не иначе, собрался? Давай-ка к берегу, а? Похоже, что ты так ничего и не понял... Мэри не в нас стреляла, а в этот канат дурацкий. Она же нас вытащила из ловушки, а ты подумал – невесть что. Стыдно тебе должно быть, командир!

Ник раздражённо бросил вёсла, свесился над носом лодки, осмотрел конец толстой верёвки, перебитой меткой пулей, с чувством сплюнул за борт и зло пробормотал сквозь стиснутые зубы:

– Вот, теперь сам садись за вёсла и греби к берегу, раз родился таким сообразительным...

Мэри помогла вытащить тяжёлый нос лодки на чёрную прибрежную гальку, спросила озабоченно:

– Случайно никого не зацепила? Уже больше двух лет не держала оружия в руках, могла и разучиться.

– Что вы, дорогая, – ответил Ник, смущённо глядя в сторону. – Артемида не может разучиться метко стрелять, никогда и ни при каких обстоятельствах...

К ним мелкими шажками подошёл пожилой худенький саам, голова которого была щедро обмотана несколькими слоями белоснежного шёлка. На плече у старика висел старенький карабин, а в правой трясущейся руке был зажат казначейский билет.

– Доча, – просительно проговорил саам, – ударь меня ещё раз по голове, раз ты за это платишь такие деньги. Мне не жалко, бей смело, – и согнулся в полупоклоне, подставляя Мэри свой перевязанный затылок...

Двигатель полуторки гудел надсадно и тоскливо, словно бы раздумывая, а не стоит ли помереть – раз и навсегда? Ну, его, этот несправедливый Мир, пусть уж эти неблагодарные людишки сами прут на Крестовский перевал свою дурацкую железную колымагу...

Ник сидел в кабине машины рядом с шофёром – сержантом НКВД Иваном Ефремовым, крепким кряжистым сорокалетним мужиком из кубанских казаков.

Майор Музыка так рекомендовал сержанта:

– Иван в этом Ловозере – триедин в одном лице. Во-первых, он нашу службу полноценно представляет. Во-вторых, заодно выполняет все милицейские функции: расследует мелкие кражи, бытовые ссоры и драки, регистрирует браки, факты рождения детей и моменты естественной смерти. В-третьих, он ещё и секретарь тамошней партийной ячейки, отвечает за рост общего идеологического уровня населения. Поэтому и авторитет в Ловозере у него –

непререкаемый, всех держит в правильных ежовых рукавицах. Организует вам проводимых до этого Сейдозера, надёжных тягловых оленей найдёт, всё прочее предоставит. Надёжный мужик, никогда не подведёт...

Вообще-то, Ник, как настоящий джентльмен, сразу предложил Мэри место в кабине, но та отказалась: мол, у них с Генкой (с Генкой – надо же!), спор образовался философский, не хочется прерывать интересную дискуссию. Понятное дело, ясен пень, дискутируйте, молодые люди, не будем вам мешать...

– Ну, родимая, потерпи, совсем немного осталось, – уговаривал Иван полуторку, крутя баранку во все стороны и безостановочно дёргая за рычаг переключения скоростей.

Наконец, через три часа после начала подъёма, они выехали, всё же, на знаменитый Крестовский перевал.

– Лётчики между собой называют этот перевал «Барыней», – для чего-то уточнил Ефремов. – Мол, сверху всё это напоминает спящую грудастую дебелую бабу, лежащую на спине.

Вот и он, знаменитый Терский берег, – как на ладони в лучах полуденного солнца. Справа хорошо просматривался широкий залив Белого моря с многочисленными длинными островами, вытянувшимися с юго-запада на северо-восток. Слева сверкала на солнце белая гладь большого озера, покрытого последним льдом. Прямо по курсу была отчётливо видна узкая неровная полоска земли, зажатая между морем и озером, по которой и змеилась дальше их раздолбанная грунтовая дорога...

Вниз с перевала поехали уже гораздо быстрее и веселее: отдохнувший двигатель довольно урчал и даже сыто пофыркивал, оживая буквально-таки на глазах.

Остановились на короткий отдых возле неширокой безымянной речушки, усталый шофёр, он же – сержант Ефремов, уснул прямо в кабине машины, сопя во сне тоненько и нежно...

Хорошо было вокруг: весело журчала речная вода, мелкая рыбёшка усердно плескалась на каменистых перекатах, ненавязчиво жужжали редкие комарики.

Вдруг, неожиданно выяснилось, что Банкин для местных комаров – самое лакомое и желанное блюдо. Плотно облепили они его щекастую физиономию, и давай кусать – нещадно и безостановочно...

Суетливо забегал Гешка по низкому берегу реки, руками заполошно замахал.

Его лицо, и без того широкое, вскоре распухло до полного неприличия, нос, совсем даже немаленький и в нормальном состоянии, увеличился практически вдвое.

– Ничего не понимаю, – жалобно гундосил Банкин. – На Чукотке этих тварей было больше во много раз, и ничего. Если и куснут, так только изредка и без всяких серьёзных последствий. А здесь – звери какие-то просто, волки голодные, ненасытные.... Ничего не понимаю!

– Да, повезло мне с напарником. Ничего не скажешь. Цирк получился навороченный, да ещё – с клоунадой изысканной, – беззлобно ухмылялся Ник.

Мэри на это высказывание даже обиделась:

– Как же можно – насмехаться над своим верным боевым товарищем? Ему же больно!

Вытащила из кармана новенького чёрного бушлата (майор Музыка расстарался), перочинный ножик, раскрыла самое большое лезвие, нарезала целую охапку ольховых веток, покрытых первыми почками, и ловко связала два шикарных веника. Потом умело развела небольшой весёлый костёр, усадила около него Банка так, чтобы дым хоть немного отпугивал злых комаров, и вложила Гешке в ладони по венику.

– Отмахивайтесь, Гена, отмахивайтесь! – посоветовала.

Ник достал из рюкзака небольшой походный котелок, вскипятил воды, заварил чай, разлил по скромным эмалированным кружкам.

Свежий весенний воздух, нестерпимо пахнувший родниковой водой, выкуренная трубка хорошего заграничного моряцкого табака под выпитую кружку крепкого ароматного чая. Что может быть желанней?

Мэри, сполоснув в речной воде кружки из-под чая, присела у костра напротив Банкина и поинтересовалась, внимательно разглядывая его лицо:

– Извините, Гена, а кто вы по национальности? Турок, азербайджанец, армянин?

Гешка широко улыбнулся в ответ:

– Да какой из меня турок, в роду все русские были, кроме прабабки. Вот, она-то – чисто-кровая персиянка. Её мой прадедушка – в качестве трофея – привез с войны какой-то, при царе-батюшке ещё. Но какая кровь оказалась сильная! У всех Банкиных, рожденных после этого мероприятия, носищи – как груши большие, да и щёки усердно выпирают, будто бы за каждой спрятано по спелому грецкому ореху...

Ник тоже решил полюбопытствовать немного:

– Мэри, а что у вас тогда случилось – на морском берегу? За что вы бедного, пожилого и совсем безобидного саама ударили так сильно по голове? И чем это таким белоснежным вы ему потом перевязали разбитую голову?

Девушка, засмутившись, даже голову опустила к земле. Но, всё же, ответила чуть слышно:

– Он мне карабин не хотел отдавать. Всё твердил, что женщина не должна прикасаться к огнестрельному оружию. Обычай, мол, такой. А сам он стрелять боялся, потому что уже старый, глаза видят плохо. Боялся в вас попасть. Пришлось его камнем чуть-чуть ударить по голове.... Чем перевязала? Вы же мне денег оставили много. А я за два года лагерей отвыкла от всего. Тут же пошла по магазинам и накупила всякого разного, и хорошее нижнее бельё – тоже. Всё сразу на себя надела. Шелковую ночную сорочку, в том числе. А у старика кровь пошла сильно, я испугалась. После уже испугалась, когда попала в верёвку. Отошла за большой камень, чтобы не видел никто. Юбку немного приподняла, и весь подол ночной сорочки изорвала на бинты. Вот.

Судя по глазам Банкина, он многое бы отдал, чтобы полюбоваться этой пикантной картинкой...

Уже под вечер полуторка въехала в Ловозеро и, устало вздохнув, остановилась около совсем новой избы-пятистенка.

С востока от поселения в безоблачное голубое небо лениво поднималась, изогнувшись крутой дугой, широкая полоса вонючего серого дыма.

– Это что, такой сильный лесной пожар? Или же тундра загорелась? – забеспокоился, крутя носом, осторожный Банкин.

Сержант буднично пояснил:

– Никакой это и не пожар, а самые обычные дымокурни: саамы жгут мокрый хворост и сырой зелёный мох, чтобы от северных оленей отпугивать злых комаров и разную мошкарку. Давайте, я лучше познакомлю вас с тутошной архитектурой? Ловозеро у нас нынче считается полноправным советским селом. Эта изба и есть – новый ловозёрский сельсовет, там две комнаты для гостей имеются, в них сегодня и заночуете. Вот те шалаши, – рукой показал на два десятка маленьких, буро-серых усечённых прямоугольных пирамидок, – называются «вежи», или – «коты», как вам больше нравится. Их каркас изготавливают из сосновых жердей, тщательно переплетают берёзовыми и осиновыми ветками, после чего обкладывают толстым слоем дёрна, пол очень плотно застилают еловым лапником, а сверху лапник накрывают оленьими шкурами. В центре каждого такого шалаша из специальных камней сложен очаг для костра.

– Куда же дым из них наружу выходит? Ведь труб-то не видно! – удивилась Мэри, недоверчиво разглядывая странные сооружения.

– Вверх и уходит, – невозмутимо уточнил Иван. – Куда же ещё ему деваться? Крыш над этими шалашами, и вовсе, нет.

– Там же в непогоду должно быть очень холодно, – не унималась трепетная американка. – Как же там люди живут зимой?

– В вежах саамы живут, в основном, только осенью и весной, – уточнил сержант. – А в холодные зимы многие перебираются в пырты, вон они, в той стороне стоят...

Ник посмотрел в указанном направлении. Там, по берегам ручья, были беспорядочно разбросаны рубленые избушки без окон, с покатыми крышами, крытыми всё тем же дёрном. Большинство избушек были размером три на четыре метра, но попадались и совсем крохотные: три метра на два с половиной. Только одно строение выделялось из общего ряда: шесть на шесть метров, с двускатной крышей, новой кирпичной трубой и большим квадратным застеклённым окном.

– А почему это одна хижина больше всех других? – поинтересовался Банкин, тоже заметивший явное несоответствие.

Сержант Ефремов заметно смутился.

– В этом пырте местный шаман живёт со своей семьёй, – и тут же торопливо поправился: – В том смысле, что он раньше был шаманом, в старые и тёмные времена. А сейчас – совершенно сознательный саам, или – лопарь, как вам больше нравится. Даже согласился, чтобы в его пырте сложили русскую печь. Ну, чтобы остальным саамам подать пример положительный.... Недавно мы на общем собрании назначили его, по согласованию с Кандалакшей, конечно, на должность председателя нашего ловозёрского сельсовета. Начальство даже разрешило выдать ему настоящий паспорт. Да вот, он и сам идёт к нам навстречу, сейчас познакомитесь...

По хлипкому мостику, переброшенному через ручей, шагал щуплый низкорослый саам неопределённого возраста, одетый в старенькую фуфайку и грязные брезентовые штаны, на ногах бывшего шамана красовались обыкновенные кирзовые сапоги. Ему можно было с лёгкостью дать и сорок пять лет, и все шестьдесят. Худое подвижное лицо, короткие чёрные волосы с лёгкой проседью, живые и беспокойные тёмно-карие узкие глаза. Все движения вновь назначенного председателя сельсовета были резкими и порывистыми, словно бы он постоянно куда-то торопился. Капля ртути под порывами сильного ветра, образно выражаясь...

– Здравствуй, товарищ Иван, здравствуй, дорогой начальник! – зачастил саам, усердно тряся руку сержанта. – Как же я рад, что ты вернулся.... Кто это приехал с тобой? Наверное, по очень важным делам? Очень большие люди?

– Эти товарищи прибыли из самого Ленинграда, – важно известил Ерофеев. – Мы с тобой обязаны им во всём помогать. Сам майор Музыка так приказал.

– Сам начальник-майор? – искренне поразился бывший шаман. – Конечно, будем помогать.... Ой, у них на груди – сам Сталин, как живой! Во всём поможем! Всё сделаем! В лепёшку расшибёмся...

Председателя сельсовета звали (по паспорту, как он сам зачем-то уточнил), Илья Озеров.

– Для начальников – Ильюшка! – ещё раз уточнил странный саам. – Пойдёмте в сельсовет, сейчас женщины накроют на стол поесть-попить...

В центральной комнате сельсовета вкусно и успокаивающе пахло свежей древесиной, в углу стоял обычный книжный шкаф, все полки которого были заставлены, как успел заметить Ник, трудам классиков марксизма-ленинизма. В центре комнаты располагался большой самодельный стол: два больших листа фанеры, уложенные на шесть берёзовых чурбаков. Восемь же стульев, окружавших простецкий стол, были настоящими произведениями мебельного искусства.

– Английская работа, бесспорно, – со знанием дела поцокал языком всезнающий Банкин. – Смотрите, какие изящные и элегантные линии. А древесина, наверняка, клён «птичий глаз». Обивка, правда, потёрлась местами...

Все, кроме председателя Ильюшки, расселись за столом: Ник и Ерофеев по одну сторону, Банкин и Мэри – напротив.

– Илья! Товарищ Озеров! – прикрикнул сержант и извинительно зашептал Нику на ухо: – Ещё предрассудками страдает. У саамов не принято, чтобы посторонние женщины сидели с мужчинами за одним столом. Если в кругу семьи, когда все свои, тогда ещё ладно. А когда важные люди из разных родов за одним столом собираются, то женщинам там не место. Они, видите ли, «нечистые».... Илья! – сержант уже серьёзно погрозил кулаком.

Тяжело вздохнув, сознательный саам Озеров присел на стул, поставив его у торца стола и сдвинув так, чтобы не видеть Мэри, после чего извинительно пробормотал:

– Надо немного подождать, скоро женщины всё принесут, я уже распорядился. А когда поедим, тогда уже и о деле поговорим.

– Ничего страшного, – подбодрил его Ник, – мы подождём. Вы нам пока расскажите о своём житье-бытье, с удовольствием послушаем...

Илья Озеров не заставил себя просить дважды и тут же принялся безостановочно молотить языком, перескакивая с одной темы на другую. Похоже, разговорный жанр являлся его пламенной и непреложной страстью, хобби, так сказать...

Ник всегда считал, что чукчи и саамы – очень похожие друг на друга народы, живущие совершенно одинаково. Там тундра и море, здесь – тундра и море, там олени и песцы, здесь – олени и песцы. Но оказалось, что и отличий существует предостаточно...

Во-первых, в жизни чукчей морской промысел всегда играл определяющую роль: китовое сало и мясо моржей зимой составляли основу пищевого рациона, из шкур морских животных они шили самую разнообразную одежду, ими же обтягивали каркасы яранг. Для саамов же морской промысел являлся вспомогательным и зачастую воспринимался лишь как своеобразное развлечение, примерно как у русских людей – рыбалка на удочку. Саамы на побережье били, в основном, нерпу, иногда – беломорских тюленей, а одежду предпочитали шить из холста и прочих покупных тканей, носили и готовые вещи, приобретённые за деньги в русских посёлках и деревнях.

Во-вторых, существовали отличия и в особенностях пушного промысла. Чукчи всегда добывали очень много пушного зверя, меняя потом шкурки песца, чернобурки, пыжика, полярного волка и белого медведя на всякие товары бытового назначения: ружья, патроны, кастрюли, топоры и пилы, чай и табак. Саамы же добывали пушного зверя в разы меньше, преимущественно рыжую лису, куницу, бобра, и очень редко – песца.

Для саамов главным являлось оленеводство, причём, кочевали они только вблизи своих сёл и стационарных стойбищ.

В-третьих, значительно различался продовольственный рацион этих северных народов. Чукчи весь год питались мясом морских животных и северных оленей, употребляя рыбу в пищу нечасто, сугубо для разнообразия. И то, в основном, красную: кету, нельму и горбушу.

Саамы же ели мясо только в холодное время года: поздней осенью, зимой и очень ранней весной, а всё остальное время питаясь разнообразной рыбой, лепёшками из ржаной муки, грибами и ягодами. Бывали, конечно, и исключения, когда в летнее время забивали оленя, но крайне редко.

Их приезд исключением не стал: низенькая саамка, одетая в пёстрый сарафан в виде юбки на лямках и широкую цветастую кофту, с ситцевым платком на голове, быстро заставила стол разнокалиберными тарелками и блюдами с варёной, жареной, копчёной и вяленой рыбой. Посередине стола женщина разместила две деревянные бадейки с мочёной прошло-

годней брусникой и морошкой, отдельно, на угол стола, положила нечто, завернутое в серую тряпку, от которой ощутимо пованивало.

– Агафья! Сейчас же убери! Сколько раз можно говорить! – неожиданно рассердился Ефремов. Дождавшись, когда женщина унесёт из комнаты странный свёрток, пояснил:

– Третий год уже живу в Ловозере, но к данному деликатесу так и не привык. Это, видите ли, «рыбка с душком». Берут только что пойманного сига или язя, потрошат, чуть подсаливают, заворачивают в тряпку и на сутки-другие зарывают в землю. Аромат получается – словами не передать. Желудок тут же, сам по себе, выворачивается наизнанку. Хорошо ещё, что Агафья тряпку развернуть не успела...

– А что такого? – неожиданно обиделся Илья. – Очень даже и вкусно. Откуда ты, начальник Иван, знаешь, может, гостям и понравилось бы?

Ассортимент рыбных блюд экзотикой не поражал: куски варёной щуки, жареная крупная плотва, вяленый хариус, налим холодного копчения, озёрная форель, запеченная в тесте.

«Да, сейчас бы оленятинки!», – размышлял Ник. – «Как тогда, на Чукотке: жареная печень, чуть недоваренная розовая грудинка, запечённые на углях мозги...».

– А, вот, эта жёлтая рыба как называется? – спросил любопытный Банкин, указывая пальцем на миску, в которой истекали капельками жира янтарные куски рыбы.

– Это прошлогодний лох, – пренебрежительно махнул рукой сержант. – Лично я лоха не люблю, больно уж жирён, после него часто изжога бывает.

– Чилийский лох? – попробовал пошутить Ник.

Иван юмора не понял, объяснил совершенно серьёзно:

– Обыкновенный лох, ловозёрский. Лох – это не человек вовсе, как на Большой Земле принято считать, а сёмга, зашедшая поздней осенью на нерест. Отнерестилась, но не успела вовремя уйти в море. Перезимовав в проточном озере, через которое проходит нерестовая река, такая рыба из «красной» превращается в «жёлтую», да и вкус её многократно ухудшается. Но саамы почему-то считают, что лучше ловить лохов, чем всякую там сорную рыбу – плотву, окуня, щуку...

Ник осторожно разломил ржаную лепёшку, поднёс к носу, понюхал:

– А почему выпечка пахнет хвоей?

Иван только тяжело вздохнул:

– Понимаете, лопари всегда в муку добавляли сосновую заболонь, это такой белый внутренний слой сосновой коры. Потому добавляли, что муки всегда не хватало. Сейчас с мукой всё хорошо, перебоев в снабжении не наблюдается, а всё равно – добавляют. Привычка, одно слово, никак не могу отучить...

Агафья унесла тарелки и миски с недоеденной рыбой, вернулась с небольшим кипящим самоваром в руках. Другая саамка, на голове которой вместо платка красовалось странное сооружение, отдалённо напоминающее русский кокошник, принесла заварной чайник, сахарницу с белыми неровными кусками рафинада, большие эмалированные кружки и несколько очень крупных, уже очищенных от шкурок луковиц.

Илья, смахивая с глаз частные мелкие слезинки, ловко нарезал лук на тоненькие ломтики, разложил эти ломтики по кружкам, залил до половины кипятком, немного погодя добавил заварки и предложил:

– Разбирайте кружки, дорогие гости! Угощайтесь лопарским чайком!

Напиток получился забористым: у всех на лбу выступил обильный пот, на глазах навернулись крупные слёзы, захлюпали носы. Несмотря на это, напиток получился по-настоящему вкусный, более того, чётко ощущалось, что он ещё и очень полезный, особенно – при лечении всяческих простудных заболеваний.

Илья Озеров отодвинул свою пустую кружку в сторону, рукавом фуфайки вытер пот со лба, достал из кармана заранее набитую табаком трубку, несуетливо раскурил её, после чего спросил у Ника – нарочито небрежно:

– Так что вам у нас понадобилось, уважаемый товарищ начальник? Куда надо проводить-то?

– До Сейдозера нас проводи, очень уж хочу я с одним человеком познакомиться. Его Синицей кличут, – спокойно ответил Ник, не отрывая пристального взгляда от плоского лица председателя сельсовета.

Показалось, или, действительно, глаза бывшего шамана блеснули нехорошим огоньком, а лицо чуть заметно дрогнуло? Было не разобрать. Ильюшка тут же опустил голову и принялся старательно изучать узоры на фанерной столешнице...

С минуту поиграв желваками, Илья заговорил – негромко и почти равнодушно:

– Надо отвести к Сейдозеру? Отведу, раз надо. Это нетрудно, погоды сейчас хорошие стоят, снега мало совсем осталось. За трое суток дойдём, если в дороге ничего не случится. Только до самого озера я вас не доведу. Боюсь очень. Вместе только до Тайболы дойдём, это такое ущелье в скалах, по нему до озера три часа всего шагать. Сами дойдёте.

– А почему ты с нами до озера не пойдёшь?

– Тайбола – дорога в один конец нынче. Только в одну сторону пускает, к озеру. Обратного уже никто не возвращается, ни люди, ни олени. Раньше – все возвращались. А после того, как ваш Барченко там что-то нехорошее сделал, уже не возвращаются. – Ильюшка посмотрел на Ника правдивыми спокойными глазами и, чуть помедлив, неторопливо раскурил заново потухшую трубку.

– Товарищ Озеров чистую правду говорит, – подтвердил сержант Ефремов. – Последние годы много народу, включая людей нашей службы, отправлялись к этому Сейдозеру. Никто не вернулся, ни одного человека. Проклятое место...

Ник достал из планшета географическую карту и развернул её на столе.

– Это ваше Ловозеро, – коснулся остриём карандаша крохотного кружка на карте, – вот это – Сейдозеро. А это – твоя Тайбола?

– Смотри-ка, как хорошо нарисовали! – удивился Ильюшка, склоняясь над картой. – Да, это она и есть – Тайбола. Там Злые Духи живут. Не ходи туда, начальник!

– Хорошо, к Тайболе не пойдём, – благодушно согласился Ник. – Вот сюда пойдём, на северную оконечность озера. Доведёшь, товарищ Озеров?

– Там скалы очень высокие, в этом месте нельзя к озеру спуститься, – непонимающе передёрнул плечами Ильюшка.

– А мы – спустимся! – гордо заверил его Банкин, до этого момента оживлённо шептавшийся с Мэри. – Мы это умеем, да и всё необходимое снаряжение имеется.

– Прямо по скалам – к озеру спуститесь?

– Прямо по скалам – к озеру, – подтвердил Ник. – Так что, Озеров Илья, сейчас мы заканчиваем наши посиделки и незамедлительно ложимся спать. Завтра подъём на рассвете, завтракаем, собираемся и выступаем. Подготовь выючных оленей, сам сообразишь, сколько голов требуется, не маленький. Есть вопросы?

– Нет вопросов, начальник! Оленей подготовлю! – бывший шаман посмотрел на Ника озабоченно, и даже – с некоторым страхом...

По утренней росе они вышли на маршрут, соблюдая следующий походный порядок: колонну самолично возглавлял Илья Озеров с охотничьим карабином, оснащённым оптическим прицелом, на плече (подарок от крайкома – за отказ от тёмных шаманских идеалов), за ним цепочкой шествовали семь северных оленей, равномерно нагружённых поклажей, потом –

Ник, Банкин и Мэри, за ними трусили ещё два олешка, но налегке, замыкающим шёл молодой рослый саам по имени Ёнька.

– Не нравится мне этот Ёнька, – так, чтобы Мэри не услышала, бухтел Гешка. – Совсем не нравится. Как он, урод здоровый, пялится на Мэри. Не, командир, я точно его пристрелю, ежели что. Вот же, образина дикая...

Молодой саам, действительно, посматривал на девушку с интересом, даже подмигивал ей изредка. Мэри, которой просто безумно шёл её чёрный флотский бушлат, это нисколько не смущало, она только беззаботно улыбалась Ёньке в ответ, а Банкину изредка показывала розовый язык.

Ник только рукой махнул: мол, не до вас, сами разбирайтесь с вашим любовным треугольником.

Сопки – покатые, горбатые, всякие; холодные ручьи, которые приходилось переходить вброд; сосновое мелколесье; беспрестанно жужжащие полчища комаров и гнуса...

Комары, впрочем, почти не донимали: перед самым стартом Ильюшка выдал каждому пол-литровую стеклянную бутылку, наполненную какой-то мутной желтоватой жидкостью, коротко проинструктировал:

– Немного вылить на руку, перемешать в ладонях, протереть открытую кожу... Как часто? Да, как хотите...

Неизвестная жидкость воняла тухлой рыбой, но всех кровососущих насекомых отпугивала качественно.

За световой день прошли более сорока пяти километров. Мэри держалась наравне со всеми, не отставала и ни на что не жаловалась.

– Нормально идём! – радовался Озеров. – Лишь бы проклятые дожди не зарядили...

Заночевали на плоском каменистом плато, поросшем рыжими и сиреневыми мхами, рядом с крохотным родником. Развели костёр, освободили оленей от груза, отвели к ближайшим зарослям мха, привязали к вбитым в землю металлическим стержням, поужинали вяленым хариусом и плоскими ржаными лепёшками, пахнувшими сосновой корой.

Ёнька быстро соорудил три куvasы: три шалаша, крытых сверху мешковиной и старыми оленьими шкурами, внутри на землю набросал пышные охапки еловых лап.

Устав за день, путники завалились спать, предварительно установив очередность дежурств.

Ничего странного за время своего дежурства Ник не заметил: несколько раз где-то вдали заблуждала весенняя, а потому озабоченная росомаха, пару раз рыкнул бурый медведь, в ответ ему с другой стороны нагорья насмешливо протрубил лось.

Утром подбросили в еле тлеющий костёр новых сучьев и сухих корней, умылись, позавтракали. Ильюшка с Банкиным ушли выючить оленей, Ник и Ёнька занялись разборкой куvas, Мэри, прихватив с собой мощный бинокль, забралась на ближайшую возвышенность – осмотреть предстоящую на сегодня часть пути.

Прогремел выстрел. Ник краем глаза заметил, как девушка плавно опускается на землю, держась за правое плечо. Выхватив из кобуры браунинг, он короткими перебежками припустил к сопке, с противоположной стороны оперативно подбежал Банкин. Аккуратно, постоянно страхуя и прикрывая друг друга, они стащили Мэри вниз. Рана оказалась несерьёзной: пуля прошла навывлет, не задев кости, даже крови было совсем немного...

Ник сбегал к рюкзакам, вернулся с аптечкой, Банкин щедро присыпал рану стрептоцидом, перевязал.

– Ничего страшного, – попыталась улыбнуться Мэри. – Мне даже не больно. Через десять минут можно выходить на маршрут...

Подошедший Илья Озеров был настроен менее оптимистично:

– Плохо очень, начальник. Ещё даже и половину пути не прошли, а уже стреляют. Я же говорил, проклятое место, поганое.... Давай возвращаться, а? Куда мы теперь, с раненой девахой? Точно тебе говорю – надо обратно идти. Что, все-таки вперёд пойдём? Упрямый ты, начальник! Плохо это, однако...

Посадив Мэри на старого и самого спокойного рогача, они продолжили путь. Банкин оленя на ремешке вперёди вёл, старательно выбирая спокойную дорогу – без камней и колдобин, чтобы поменьше трясло раненую девушку.

Надо отдать должное: Мэри оказалась просто молодцом, никаких тебе слёз, жалоб и прочих проявлений женской слабости. Банкин же во время очередного привала отвёл Ника в сторону и сумбурно заговорил о том, что, возможно, Ильюшка и прав: надо раненую девушку вывозить отсюда в жилые места, где её рану можно будет показать врачу.

– Да без вопросов, Геша, – ухмыльнулся Ник. – Прямо сейчас её обратно и отправим. А Ёньку в провожатые определим. Чего это ты нахмурился? По мне – так козырный вариант. Тем более что других-то и нет.

Банкин сплюнул от досады, зло скрипнул зубами и, молча, отошёл в сторону...

К вечеру путники преодолели меньше тридцати километров, раньше обычного выбрали место для ночёвки: у Мэри ожидаемо поднялась температура, на лбу выступила холодная испарина.

Сегодня Ник дежурил первым. Сидел у костра в обнимку с карабином Ильи и думал, что делать завтра, если у Мэри не спадёт жар. Отправить её вместе с саамами обратно в Ловозеро, а самим двигаться дальше? Не нравился ему этот вариант, не испытывал он особого доверия к разговорчивому и ушлому председателю сельсовета.

Из темноты подошёл Озеров, залопотал добродушно:

– Всё, начальник, смена пришла. Давай, ложись спать. Ильюшка теперь подежурит. Ни о чём не беспокойся...

Ник ушёл с нехороший сон: он брёл по тёмным и влажным джунглям, а где-то совсем рядом прятался злой и коварный враг. Где-то недалеко, может – за той кустистой пальмой? Или за тем банановым кустом?

Чёрная тень мелькнула сбоку, на голову Ника обрушилась крепкая дубина, ультрамариновый мрак, фиолетовые круги...

По волосам и онемевшей щеке текла холодная вода, в затылке поселилась тупая боль, хотел поднять руку и потрогать – что там, но ничего не получилось, руки оказались крепко связанными за спиной. Ник открыл глаза и встретился взглядом с неподвижными тёмно-карими – почти чёрными – глазами Ильи Озерова.

– Что, начальник, болит голова? – поинтересовался бывший шаман. – Это дурачок Ёнька малость перестарался. Силы много – ума мало. Хотя, какая разница? Всё равно, начальник дорогой, сейчас ты умирать будешь, голуба моя...

Глава четвёртая

Шаман шаману – друг, товарищ и брат

Ник торопливо осмотрелся, пытаясь осознать произошедшие изменения и оценить степень возможной опасности. Увиденное его совершенно не вдохновило: сам он был крепко примотан грубой толстой верёвкой к старой высохшей сосне, в трёх метрах от сосны обнаружился Банкин, прикреплённый аналогичным образом к кривой берёзе, причём, под глазом Гешки красовался большой лиловый фингал, а изо рта торчал тряпичный кляп. Банкин бешено вращал глазами и, напрягая всевозможные мышцы торса, безуспешно пытался порвать крепкие верёвки. Между сосной и берёзой шустро ползал Ёнька, обкладывая ноги Ника и Банкина охапками разнокалиберного хвороста и сухого мха.

Ёнька насмешливо улыбался и бросал плотоядные косые взгляды куда-то в сторону.

Проследив за его взглядом, Ник увидел Мэри, то же связанную по рукам и ногам и лежащую на старой оленьей шкуре, постеленной возле догорающего костра. До девушки было метров двадцать пять, но Ник заметил, что бушлат на Мэри отсутствовал, а сатиновая тёмно-синяя кофточка была порвана в мелкие клочья, представляя на всеобщее обозрение белоснежный кружевной лифчик, только частично скрывавший от посторонних нескромных взглядов спрятанное под ним.

– О чём думаешь, товарищ начальник? Испугался, милый? Растерялся немного? – вежливо поинтересовался сознательный и передовой саам Озеров.

Ник отметил, что во всём облике Ильи произошли разительные перемены. Куда только подевался суетливый дёрганный человечек с бегающими глазами и просительным тоненьким голосом? От непрезентабельного и подобоострастного председателя сельсовета Ильюшки не осталось и следа. Перед Ником стоял матёрый, выдавший виды мужик с тяжёлым взглядом умных немигающих глаз, говорящий неторопливо и чуть насмешливо – голосом глубоким и уверенным, ничем не напоминавшим прежний дребезжащий фальцет. А на смену длинным витиеватым предложениям неожиданно пришли короткие и рубленые, можно сказать – чеканные, фразы.

– О чём думаю? – спокойно переспросил Ник. – Да ясно мне всё совершенно: под маской глупого домашнего оленя прятался дикий волк. Как не бывает бывших чекистов, так не бывает и бывших шаманов. Решил ты, Ильюшка, затаиться, спрятать свою сущность от новой власти. Даже вон – заделался председателем сельсовета. Глядишь, через год-другой и в партию бы вступил. А живёшь, в смысле – по-настоящему, всё по своим старым, шаманским законам. Ведь так оно, Илюша?

– Умный ты, начальник. Очень – умный. Всё правильно говоришь, – необидно усмехнулся Озеров. – Только никакой я тебе не вонючий Ильюшка. Меня зовут – Вогул, я шаман. Шаманом был, шаманом и умру. Доля у меня такая... Ты там про новую власть говорил, мол, спрятался я от неё. И это правильно. Только что эта власть дала мне? Всем лопарям чего принесла хорошего? Жили себе – как считали правильным, как наши отцы и деды жили. Нет же, припёрлись. Учить начали. Это – плохо, это – хорошо, так – делай, а так – не смей, расстреляем. А нас вы спросили, чего мы сами хотим? Да кто вы, вообще, такие? Почему правильным только то считаете, о чём сами и говорите? Молодёжь вся испортилась. Не хотят по-честному пасти оленей и ловить рыбу. Хотят деньги за красивые слова получать. Водку пить. Девочек любить – всех подряд и по-всякому. Из ружей в других людей стрелять. Просто так стрелять, потому что приказ вышел такой... Нет, не нравится мне такая жизнь. Сам так жить не буду. И другим лопарям не дам.

– А я-то со своими товарищами здесь причём? – вкрадчиво спросил Ник. – Мы тебя ничего плохого делать не заставляли, просто попросили довести нас до озера. А ты убить нас задумал. В чём причина?

Лицо шамана стало серьёзным, глаза потемнели от праведного гнева.

– Причина – Сейдозеро. Там многие Большие Солнца находилось наше древнее капище. Там лопари со своими Богами разговаривали. А Боги, в свою очередь, помогали лопарям. Всё было хорошо. После зимы приходила весна. После весны начиналось лето. Оленихи рожали много маленьких оленят. В реках было много жирной рыбы. Нам это нравилось.... Пришёл Барченко, с ним много других людей. Разорили капище. Забрали с собой вещи Богов. После этого отвернулась от лопарей Светлая Тень. Изменилась их жизнь. Я давно уже решил, что не пущу больше никого к Сейдозеру. Всех буду убивать. Кого смогу – сам. На других нашла голодных волков и злых медведей. Всё так и получилось. Уже три года никто не может к Сейдозеру подойти. А кто туда добрался, то обратно, всё равно, не вернулся. И ты, начальник, скоро умрёшь. И твой друг. И эта девушка. Все – умрёте! Сгорите в Светлом Огне!

Ёнька, поливавший вязанки хвороста керосином из большой бутылки, забеспокоился:

– Вогул, ты же обещал мне отдать эту девку.

– Обещал – отдам. Только на время. Попользуешься вволю, потом сам убьёшь и спалишь. Понял, убогий?

Ёнька согласно закивал головой, заулыбался, трясущимися руками достал из-за пазухи коробок со спичками, протянул его Озерову.

Ник в бессилье закричал зубами. Неужели, это конец? Неужели – нечего уже не изменить? Что-то укололо его в бедро: это туго натянутая верёвка надела на какой-то предмет, лежавший в кармане его штанов.

Ник усмехнулся и заговорщицки подмигнул шаману.

– Что ещё такое? – изумился Вогул и отбросил в сторону очередную сломавшуюся спичку.

– У меня в правом кармане одна вещица завалялась, – со значением протянул Ник. – Посмотри, вдруг, да и передумаешь – знакомить меня со Светлым Огнём. Ну, очень занятная вещица, – ещё раз подмигнул и таинственно улыбнулся, мысленно вспоминая загадочное лицо Джоконды.

Шанс был мизерный и призрачный – до полной невидимости, но других-то вариантов совершенно не просматривалось.

Вогул осторожно, явно опасаясь подвоха, подошёл к Нику, запустил ладонь с давно нестриженными ногтями в карман его штанов, немного повозился, освобождая искомый предмет из-под толстой верёвки.

Шаман вытащил руку из кармана брюк Ника, разжал кулак – на жёлтой морщинистой ладони удобно устроился маленький, искусно вырезанный из голубовато-сиреневого халцедона белый медведь, подаренный недавно Айной.

Вогул так долго смотрел на фигурку белого медведя и так непонятно улыбался при этом, что Ёнька, занервничав, недовольно и боязливо запыхтел за его спиной.

Шаман посмотрел Нику в глаза. Тепло так посмотрел, с явной приязнью, спросил негромко:

– Как там Афоня поживает?

– Очень даже хорошо поживает, – ответил Ник. – Вот, год назад дедушкой, наконец-таки, стал. Пожалела его Светлая Тень, простила старые грехи. Внук и внучка теперь у Афони есть, близнецы.

– Это хорошо, что близнецы, – согласился Вогул и замолчал, задумчиво прикрыв глаза.

Минут через пять опять нетерпеливо заныл Ёнька:

– Вогул, товарищ Озеров, твою мать! Ты же обещал мне отдать девку. Чего тянуть-то? Можно, я к ней пойду, пока ты разговариваешь с этими псами? Можно, а? Так я пойду?

– Иди, – равнодушно разрешил шаман. Не торопясь, взял в руки карабин, прислонённый к берёзовому пеньку, развернулся и выстрелил уходящему Ёньке в спину.

Отзвучало долгое протяжное эхо. Вогул снова, будто совсем не умея торопиться, осторожно прислонил карабин к молодой сосёнке, внимательно посмотрел Нику в глаза, укоризненно покачал головой:

– Почему раньше медвежонка не показал? Всё совсем по-другому могло быть. И Ёнька пожил бы ещё. Бегал бы сейчас в стойбище за оленями. Глядишь, и поумнел бы – со временем...

– Зачем же ты его убил? – уточнил Ник. – Я же тебя об этом не просил, мог бы и не стрелять.

Шаман только печально улыбнулся и снисходительно, словно малолетнему несмышлёнышу, объяснил:

– Его уже было не остановить по-хорошему. Больно уж приглянулась ему девчонка ваша заграничная. Кстати, плечо-то ей Ёнька тогда и прострелил. Думал, что ты её обратно отправишь, а его назначишь в провожатые. Если бы Ёнька узнал, что всё отменяется, сам бы нас всех порешил. И даже не поморщился бы...

Тело Ёньки положили под корневище-выворотень и забросали камнями. Переместили лагерь километра на два в сторону, развели новый жаркий костёр. Банкин сидел возле дрожавшей Мэри, нежно гладил её тонкие руки, что-то ласково шептал по-английски.

Чтобы не смущать влюблённых (а всё шло к тому), Ник и Вогул устроились по другую сторону костра, неторопливо, как и надлежит солидным, знающим себе цену людям, повели деловой разговор.

– Значит, тебе нужен Синица, – уточнил шаман, лениво дымя своей старой трубочкой.

– Непременно нужен, – подтвердил Ник, прикуривая папиросу от маленькой горячей ветки, ловко вынутой из костра.

– А зачем?

– Вещь одна пропала. Барченко тогда её взял из капища, да и продал, гад, какому-то иностранцу. Синица точно знает – кому. Вот, пусть и расскажет.

– И всё? – недоверчиво прищурился Вогул. – Больше ничего тебе не надо там, на Сейдозере?

– Больше ничего, – подтвердил Ник. – Даю честное шаманское слово.

Помолчали, скупно пуская в небо табачный дым.

– Значит, Чашу хочешь найти и в Москву желтоглазому человеку отвезти, – уверенно попытожил шаман.

Ещё помолчали.

– Ты это про товарища Сталина? – как бы между прочим спросил Ник.

Вогул лишь поморщился.

– Не, этот тут не при делах. Там другой есть – с волчьим именем, с год назад в Кремль переехал – на постоянное место жительства. Это его вещь.

«Афоня тогда в чукотской тундре говорил про волчью кровь. Капитан Курчавый что-то про волчий ум поминал мимоходом. И эти глаза жёлтые, мелькнувшие за затемнёнными стеклами «чёрного воронка», и ещё раньше – за стеллажом на Металлическом заводе...», – старательно вспоминал Ник, мысли завертелись как белка в колесе: – «Этот шаман про волчье имя талдычит. Кто же это? Кто? Мать моя женщина, какой же я дурак! Это же они про Вольфа Мессинга! Что я знаю про него? Надо всё вспомнить. Обязательно – всё. Итак...»

– Эй, начальник, ты где? – вернул его на землю насмешливый голос Вогула. – Потом подумаешь обо всём. В тишине, когда ночью будешь дежурить у костра. Сам чего не поймёшь – Небесная Тень подскажет. Сейчас давай о деле поболтаем. Согласен?

– Согласен, – благодарно улыбнулся Ник. – Кстати, большое спасибо тебе, Вогул. Подсказал ты мне здорово, надоумил, так сказать.

– Какие счёты, мы же с тобой – почти братья. В одной лодке сидим. Веслами гребём. Страннику помочь – честь для *знающего*. Давай, говори – что надо.

– Раз мы с тобой братья теперь, то, может быть, прямо по Тайболе отведёшь нас к Сейдозеру?

Шаман помрачнел.

– Извини, не получится. Три Больших Солнца назад... Не хочу говорить «три года», буду говорить, как раньше у лопарей было заведено. Так вот, три Больших Солнца назад я на выходе из Тайболы к озеру волков привадила. Несколько молодых волчат на привязи держал, подкармливал. Теперь там целая стая. Может, и две. Крови отведали – не слушаются больше меня. Всех, кто по ущелью спускается к озеру, в клочки рвут. Всех...

– Волки же не любят долго охотиться на одном месте. А ты говоришь, что они от озера не отходят уже три года, – засомневался Ник.

Вогул голову в руки спрятал, размеренно закачался из стороны в сторону.

– Страшное я дело совершил. Непоправимое. Нет мне прощенья. Там, на берегу Сейдозера, солончак. На Терском берегу нет других. Только этот. Олени, лоси всегда туда ходили, сотни Больших Солнц. И сейчас ходят. Знают, что там волки, а всё равно идут, так соли хотят. Страшное я дело совершил, начальник. Через два Маленьких Солнца выйдем на берег озера – всё сам увидишь...

Не получилось – поразмышлять в тишине у костра. Неожиданно со стороны Белого моря приползли низкие серые тучи, пошёл крупный снег. Бывает такое на Кольском полуострове, последняя декада апреля – самое коварное время года: кажется, что лето уже стоит у порога, а зима нет-нет, да и напоминает о своём могуществе. Заполярье, мать его, что вы хотите.

Поднялся сильный ветер, началась метель. Или же выюга?

А может, и пурга, кто его разберёт с непривычки...

Больше суток путники просидели в брезентовых палатках, не высовывая носа наружу.

Казалось бы – ерунда, лежи себе в палатке, да и думай свои заветные думы под нудные завывания пурги.

Но Ника неожиданно посетил каприз, не хотелось ему – под завывания пурги, или там – выюги.

Неприменно хотелось, чтобы под тихое потрескивание яркого костра, чтобы неизвестные птицы загадочно кричали в ночи, и звёзды яркой бесконечной стаей неподвижно висели над головой. Сидеть себе и прихлёбывать крепкий чай из эмалированной кружки под простенькую папироску, наблюдая за изощрённым калейдоскопом сиреневых и аметистовых углей...

Короче говоря, решил он отложить эти размышления о загадочном Вольфе Мессинге до лучших времён.

Существенно радовало, что самочувствие Мэри заметно улучшилось: рана почти не беспокоила болью, температура была уже почти нормальной. В преддверии выздоровления, как объяснил Вогул, на девушку напала сонливость. Почти всё время, что длилось снежное светопредставление, она успешно проспала, уткнувшись в грудь счастливому Банкину и нежно обнимая его за крепкую шею.

Потом, когда вся эта белая канитель закончилась, побрели дальше: сперва по двадцатисантиметровому слою снега, потом – по водянистой каше и мерзкой слякоти.

Первомайским погожим утром вышли, всё же, к Сейдозеру.

– А в нашем Ловозере сейчас праздник, – язвительно и неприязненно сообщил Вогул. – Начальники приехали из Кандалакши, а то и из самого Мурманска. Митинг будет. Потом, когда речи закончатся, начнут водку продавать. Все перепьются. Начнут хором песни распевать. Про мировую революцию. Про героическую смерть в боях с буржуями. Потом проблюются и уснут. Тьфу! Мать их всех!

Сейдозеро располагалось в глубоком и неожиданно уютном каньоне.

Не широкое – километра полтора всего, вытянутое с северо-востока на юго-запад километров на пятьдесят с гаком.

Долго стояли над обрывом, любовались. Прямо под ними, метрах в трехстах ниже, распласталась горная долина, именуемая гордым именем Тайбола, которая и выходила к серым спокойным водам озера.

Красиво было – просто несказанно. Над противоположным берегом водоёма нависали крутые невысокие сопки, покрытые редколесьем, далеко на севере через кучевые облака смутно угадывалась горбатая, совершенно лысая Иван-гора. Ветра не было, вода отливала тусклым серебром, посередине озера быстро передвигалась, словно живая, полоса цветного тумана: местами розового, местами лилового...

– Смотри, начальник, – махнул рукой Вогул. – Вон они, непреклонные стражи Сейдозера.

Ник навёл свой бинокль на край Тайболы.

По круглым серо-бурым камням старицы неторопливо трусили около десяти поджарых волков, ага, вот ещё несколько серых роются в грудке белоснежных и слегка желтоватых костей, и ещё.... Ник насчитал порядка сорока хищников.

«Попробуй, накорми такую ораву. Это же сколько мяса им надо ежедневно?» – поморщился Ник.

Неожиданно волки, словно получив некую команду, насторожились и целенаправленно разбежались в разные стороны.

Причём проделано это было строго и осмысленно, безо всякой глупой суеты: так опытные охотники дисциплинированно занимают – по команде егеря – заранее отведённые им дежурные номера.

И двух минут не прошло, а ни одного серого разбойника в прямой видимости уже не наблюдалось.

Спрятались, замаскировались, залегли – ясен пень.

Ник непонимающе обернулся к Вогулу.

Тот только недовольно передёрнул плечами:

– Подожди, начальник. Дальше смотри. Скоро всё поймёшь...

Минут через пятнадцать на входе в ущелье показались три неясные расплывчатые фигуры: одна, та, что чуть покрупнее, – почти чёрная, две другие – светло-палевые.

Ник снова поднёс к глазам бинокль.

Большой, буро-чёрный старый лось, нервно вздрагивая ноздрями, с беспокойством оглядывал каменистый берег Сейдозера. К его тёмным бокам испуганно жались две совсем еще молоденькие самки, поводя из стороны в сторону огромными светло-серыми глазами-миндалинами.

Лоси явно чувляли присутствие волков, но вожаки маня их к себе коварно и совершенно неотвратимо. Не было сил сопротивляться этому великому и страшному зову...

Сохатый, наконец, двинулся вперёд, чуть выставив вперёд могучие красавцы-рога, молодые лосихи, стараясь не отставать от своего повелителя, покорно затрусили следом.

Звери преодолели уже метров четыреста и стали забирать вправо, намереваясь пойти дальше вдоль восточного берега озера, когда вокруг них замелькали серые зловещие тени.

Около десятка молодых волков вынырнули из-за чёрно-белых валунов за спинами лосей, отрезая им путь к спасительной Тайболе, ещё столько же хищников, во главе с крупным бурым вожаком, появились со стороны озера. Ловушка захлопнулась.

Старый лось развернулся на сто восемьдесят градусов и что есть мочи побежал прямо на волков, преграждавших ему путь в спасительное ущелье. Он явно шёл на прорыв, спасая свою шкуру и напрочь позабыв о юных спутниках. Одна из лосих бестолково завертелась на месте, другая бросилась к берегу озера.

Волки повели себя несколько странно. Нику даже показалось, что они изначально не стремились добыть всех лосей и сразу были согласны на малое. Сохатый прорвался к Тайболе практически беспрепятственно, хищники дружно расступились перед его рогами, только один серый молодчик вцепился лосю зубами в круп, повисел немного, ловко уворачиваясь от ударов тяжёлых копыт, да и отскочил в сторону.

Сохатый с удвоенной скоростью, даже не оборачиваясь, понёсся вверх по ущелью, подальше от страшного места.

На лосиху, прыгнувшую в озеро, никто из волков даже внимания не обратил, как будто её и не было вовсе.

А, вот, её подруга была обречена. Окружённая со всех сторон, она продолжала бестолково и зачарованно кружить на месте. Вожак прыгнул первым, вцепившись лосихе в горло, вслед за ним на жертву бросились и остальные. Тоскливый, полный боли и ужаса вскрик разнёсся над скалами и тут же затих, заглушённый победным волчьим воем.

– Да, зажрались волки совсем, – неодобрительно вздохнул Вогул. – Только на слабых теперь охотятся. Не рискуют зря. А что, любителей соли много. Можно и выбирать...

– Почему они отпустили вторую лосиху? Ведь могли же отжать её от берега озера? – азартно спросил Банкин, в душе которого время от времени просыпался заправский охотник.

Шаман неопределённо пожал плечами.

– А как она выберется отсюда? К Тайболе её не пустят. А здесь и другие желающие есть – от пуза покушать мяса....

Через некоторое время Ник снова навёл бинокль на серебристо-серые воды озера. Вот сообразительная лосиха выбралась на относительно безопасный западный берег, её передние ноги бессильно подломились, и она неуклюже опустилась на жёлтый песок пологой прибрежной косы.

Бока животного поднимались и опадали, словно кузнечные меха, голова устало запрокинулась набок. Только минут через семь лосиха с трудом встала на ноги и побрела к узкой сосновой рожице, вытянувшейся между водами озера и отвесными скалами каньона.

Неожиданно из-за вывороченного ветром соснового корневища выскочил голенастый худющий медведь, видимо, только что вышедший из зимней спячки. Последовал мгновенный удар когтистой лапы, алая кровь снова окропила многострадальные берега Сейдозера.

Мэри, которой Ник передал свой бинокль, не на шутку расстроилась: отшвырнула в сторону ни в чём не повинный оптический прибор, упала на ближайшую кочку белого мха и отчаянно зарыдала.

Банкин, насилиу успокоив девушку, разозлился:

– Уродство сплошное! – и предложил: – А давайте перебьём всех этих кровожадных и зажавшихся гадов? А?

– У тебя есть план? – удивился Вогул.

– Конечно, есть. Сейчас забиваем одного из оленей. Разделяем, куски и внутренности бросаем со скал. Волки всей своей стаей собираются на халявный обед, тут им и конец приходит: скалы-то – отвесные, а командир у нас – большой мастер метко гранаты метать. Как тебе, Никита Андреевич, такой план?

Ник скорчил неопределённую гримасу: мол, план как план, почему бы и нет, в конце концов.

– Ага, – злорадно заскрипел Вогул, – мы гранаты побросаем в волков. Синица со страху спрячется. Так спрячется, что целый год потом будете искать, и русский хрен – найдёте. Нормально. Очень хорошая придумка, – потом успокаивающе добавил, видя, что Банкин нешуточно расстроился: – Ладно, мысль неплохая. В следующий раз так и сделаем. Попрошу у начальника-Ивана пару ящичков гранат. С двух сторон к озеру подойдём. Наведём здесь справедливый порядок...

До самого вечера они шли вдоль нескончаемого обрывистого края каньона. Уже на закате вышли на северную оконечность озера.

Вон она – искомая избушка, чуть виднеется далеко внизу, на маленькой круглой поляне – посреди берёзовой рощицы, метрах в ста от неверных вод Сейдозера.

Впрочем, назвать такое солидное сооружение «избушкой» – язык не поворачивался.

Стены жилища господина Синицы были сложены из кубических каменных блоков нежного светло-коричневого цвета. Видимые грани блоков имели идеально гладкую поверхность и легко отражали последние лучи заходящего солнца. Покатая крыша была сработана из массивных сосновых плах, прямо посередине крыши наружу высовывалась широкая иссиня-черная труба, имелись в наличии и несколько маленьких застеклённых окон. Площадь дома тоже впечатляла: квадрат с длинной стороны в десять-двенадцать метров.

– Из чего же сложены эти хоромы? – в очередной раз искренне изумился Банкин. – Ничего подобного в своей жизни никогда не видел!

– Из этих красивых камней наше древнее капище было построено, – грустно ответил Вогул, старательно раскуривая трубку и внимательно наблюдая за первыми, едва видимыми звёздами, уже появившимися на восточном краю небосклона. – Пришёл ваш Барченко. Капище разрушил. Все вещи Бога забрал. Потом Синица из камней капища дом себе построил. Никого не спрашивая. И всё это – во имя какой-то науки. Так Барченко говорил.... Тьфу на них на всех! Будь они прокляты – всеми Богами сразу...

Солнце оторвалось на три своих диаметра от линии горизонта, лёгкий ветерок шелестел сухими ветками черничника, было достаточно тепло для этого времени года и суток: где-то плюс пять – плюс шесть.

Путешественники, не торопясь, готовились к спуску вниз, к таинственной избе.

Из рюкзаков достали необходимое альпинистское снаряжение: толстые бухты прочных шнуров, ледорубы, специальные ботинки с шипами, крючья, вертлюга, специальные крепёжные приспособления, новейшую австрийскую гидравлическую лебёдку...

Технологию спуска Ник разработал сам, чем и гордился.

Впрочем, окончательной уверенности в её эффективности у него не было. Опытный альпинист Епифанцев, лично покоривший множество знаменитых вершин, только головой недоверчиво крутил, рассматривая чертежи и слушая объяснения.

Ника это несколько не смущало: логика в его решении прослеживалась, простота была налицо, а общеизвестно, что простота – непреложный залог успеха, следовательно – всё должно получиться.

Тем более что он *сюда* прибыл из *прогрессивных времён*, как никак!

Технология заключалась в следующем: на краю пропасти крепился стальной ролик, изготовленный на основе подшипника скольжения, в двух метрах от него устанавливалась гидравлическая лебёдка, с помощью которой и должен был осуществляться спуск и подъём смелого скалолаза.

Помня о советах незабвенного капитана Курчавого, оказавшегося впоследствии коварным американским шпионом, Ник самолично изготовил (используя токарный, фрезерный и сверлильный станки), специальный ролик и различные крепёжные клинья и дюбели. На всякий случай загодя разобрал и собрал импортную лебёдку, лично залил в гидравлическую систему свежего машинного масла...

Часа четыре провозились с закреплением на скалах лебёдки и хитрого направляющего ролика.

Чёрные базальтовые скалы оказались на удивление твёрдыми, трещин, подходящих для забивки дюбелей, было до обидного мало.

Есть трещины для закрепления ролика, так отсутствуют таковые для надёжного фиксирования на каменной поверхности лебёдки, и наоборот.

С трудом, метрах в трехстах в стороне от первоначально намеченного места, обнаружили подходящую площадку. Избив в кровь все пальцы, намертво закрепили оборудование, перекусили, попили чайку, перекурили.

Пришла пора опускаться, оставалось только скрепить между собой бухты канатов.

До берега озера было метров двести тридцать – двести сорок, а в каждую бухту было свёрнуто ровно по пятьдесят метров толстого шнура, поэтому Ник дополнительно разработал и специальные приспособления для сращивания этих кусков в единое целое. Сам всё начертил, рассчитал запас прочности, выточил втулки, просверлил в них отверстия, изготовил надёжные прижимные винты.

– Эх, командир, – недоверчиво вздыхал Банкин, сноровисто заворачивая последнюю крепёжную деталь. – Ты на сто процентов уверен, что это всё надёжно сработает? Может, плюнем и полезем вниз, как Епифанцев учил? В связке, со страховочным тросом и прочими нудными делами?

– Не переживай, Геша, – успокаивал друга Ник. – Всё нормально будет. Проскочим с первого тычка, на раз-два-три.

Вогул стоял в сторонке и ворчал, дуя на мозоли, вскочившие на ладонях его рук, впервые познакомившихся с настоящей отвёрткой:

– Лучше всю жизнь с дикими оленями знаться. Вечно эти глупые русские придумают невесть что. Одни убытки от них. Никакого прока. Что за народ такой никчемный?

Мэри сидела возле мирно пасущихся оленей и негромко рассказывала им на английском языке сказки – о преданной и нежной любви. Её немного знобило, ныла рана в плече, видимо, опять приближалась непогода...

Ник защёлкнул карабин, привязанный особым узлом к концу толстого шнура, на кольцо специальной упряжи, крепко затянутой на его торсе, закрепил шнур в пазу направляющего ролика, перекинул ноги в пропасть. Почувствовав должное натяжение, скомандовал:

– Давай!

Банкин плавно потянул за рычаг лебёдки. Ник медленно опустился вниз примерно метров на пять и остановился. Теперь Гешке следовало переключить специальный рычажок в положение «закрепить» и вернуть рычаг в исходное положение, после чего зафиксировать рычажок в положение «работа» и снова опустить Ника вниз, на последующие пять метров. Такая, вот, технологическая особенность: после каждого пятиметрового спуска вниз (или пятиметрового подъёма вверх), следовал тридцатисекундный перерыв.

Пока Банкин возился с механизмом, бодрый ветерок начал настойчиво поворачивать тело Ника из стороны в сторону: сильно закружилась голова, непонятный колющий комок поднялся из желудка и плотно закупорил горло, в пояснице неприветливо закололо...

– Как ощущения? – поинтересовался Гешка, выглядывая из-за края обрыва.

Ощущения были припаскуднейшие, но и отступать было некуда, поэтому Ник браво поднял вверх большой палец правой руки и тихонько попросил – дрожащим голосом:

– Нормально всё. Только ты это, когда опустишь до половины, минут шесть-семь отдохни, я перекурить попробую.

– Без вопросов, товарищ командир, – браво козырнул Банкин и пропал.

Через пару секунд опять мелодично пропел механизм лебёдки. Ник плавно опустился вниз на очередные пять метров. Снова ветерок принялся немилосердно играть с его незащищённым телом.

Следующий этап спуска – тошнота заявила о себе уже самым недвусмысленным образом, в пояснице без устали заработала швейная машинка «Зингер».

«Лишь бы живым добраться до земли!», – билась в пустой голове одинокая, всеми брошенная мысль. – «Лишь бы добраться...».

Одно утешало: ведь на полдороги будет полноценный перерыв, хотя бы поблевать можно будет – с чувством, толком и расстановкой...

Ник завис между небом и землёй, плавно раскачиваясь из стороны в сторону, и честно, как обещал Банкину, попытался перекурить. Спички гасли в дрожащих руках, от запаха сырого табака нестерпимо мутило. Ник выбросил мятую папиросу в бездну, попытался засунуть коробок со спичками обратно в карман. Поняв всю бесперспективность этого мероприятия, отправил коробок следом за папиросами.

Неожиданно очень сильно захотелось писать.

Казалось бы, чего проще: расстегнул ширинку – да и пописал.

А, вдруг, в этот самый момент Гешка потянет за рычаг?

Последствия могли быть самыми непредсказуемыми: заклинит ещё что полезное, навсегда и безвозвратно...

Глава пятая

Не вешайте носа, поручик Синицын...

Потом, ясен пень, он взял себя в руки, собрал всю волю в кулак и успешно пописал – с высоты ста метров с небольшим.

Несказанное удовольствие, незабываемое.

Тем не менее – действенно помогло, без обмана.

Вторую часть спуска Ник уже вполне терпимо перенёс: холодным потом почти не обливался, не блевал, сознания не терял...

После окончательного «приземления» полежал на камушках минут десять, пока голова не перестала кружиться, поднялся на ноги, отстегнул карабин от кольца своей упряжи, слегка шатаясь, отошёл от скалы метров на сто, успокаивающе помахал рукой товарищам, внимательно наблюдавшим за ним из-за края обрыва.

После чего – уже с удовольствием – перекурил, вволю напился холодной воды из зелёной алюминиевой фляги, вытащил из кобуры браунинг, автоматически щёлкнул предохранителем и осторожно, короткими перебежками, достаточно бодро направился к избе.

Входная дверь была сработана из толстых, тщательно оструганных сосновых досок, соединённых между собой с помощью широких кованых металлических полос. Имелась на двери и стандартная чугунная ручка в виде длинной скобы, а вот замка, в чугунных же петлях, не наблюдалось.

Казалось бы, чего проще: дерни за ручку, дверь и откроется, если, конечно, не заперта изнутри на какую-нибудь задвижку или крючок.

– Как же, дёрни, – пробурчал Ник себе под нос. – Нашли хронического идиота. Хрен дождётесь, паскуды. Плавали – знаем...

Он взял в руки двухметровый сосновый дрын, валявшийся рядом с дверьми, вставил его конец в ручку-скобу, отошёл в сторону, опёрся дрыном о дверной косяк, потянул, используя принцип рычага...

Разбухшая дверь с трудом поддалась, медленно пошла, а потом неожиданно резко распахнулась настежь. Прогремел выстрел, крупная картечь зацелкала по стволам ближайших деревьев, словно бритвой срезая тонкие ветки.

«Ничего хитрого, обычное дело», – подумал Ник. – «Ушёл куда-то Синица по своим важным делам, а для непрошенных гостей приготовил сюрприз-самострел. Предусмотрительный клиент попался, всего-то и делов...».

Ник ещё раз посмотрел наверх, подал Банкину условный знак: мол, ничего страшного не случилось, сам справлюсь, оставайтесь на прежнем месте.

В избе явственно пахло затхлостью и хроническим безлюдьем, под ногами противно скрипел высохший мышиный помёт.

Поскольку снаружи дом был необычным, то и внутри Ник ожидал увидеть нечто особенное и странное. Но ожидания не оправдались: внутри всё было убого, пошло, мерзко и омерзительно грязно.

Каменные блоки – светло-коричневые, практически кремовые снаружи, здесь были серыми и склизкими, покрытыми толстым слоем сажи с белыми узорами вездесущего грибка.

Большая печь, сложенная из дикого камня со вставленной в неё широкой трубой непонятного металла, двухъярусные широкие нары, заваленные старыми вонючими матрасами и одеялами, самодельный неуклюжий стол, на котором вольно громоздились разнокалиберные

кастрюли и миски, несколько толстых берёзовых чурбаков, заменяющих стулья, – вот и всё убранство, собственно говоря.

Ах да, ещё на гвоздях, вставленных в щели между каменными блоками, висели разномастные ватники, бушлаты, телогрейки и ватные штаны, на полу были разбросаны в художественном беспорядке унты и разноцветные валенки – вперемешку с кирзовыми и резиновыми сапогами.

Абсолютно ничего интересного, разве что старинная двустольная берданка, привязанная к толстой ножке стола, от курка которой к внутренней дверной ручке змеилась крепкая бечёвка. Солидная вещь! Ник взял оружие в руки, прочёл надпись, выгравированную на бронзовой табличке, закреплённой на деревянном ложе: – «Тула, 1837 год».

Судя по толстому слою пыли, покрывающему пол, хозяин покинул избу ещё ранней осенью.

Тем не менее, Ник решил порыться в этом хламе, надеясь найти хоть что-нибудь полезное для дела. Зря, что ли, столько километров отмахали до этого странного места?

По истечении двадцати минут тщательный обыск, всё же, увенчался долгожданным результатом. На столе, под грудой грязной посуды, обнаружился антикварный кожаный скоросшиватель, забитый по самое не могу разномастными бумагами и бумажонками, исписанными разными, на первый взгляд, почерками.

Ник раскрыл скоросшиватель на последнем листе, в смысле – на первом, если считать по мере его наполнения.

Пожелтевшая от времени гербовая бумага с неясными водяными знаками, косой убористый почерк:

Былой отваги времена
Уходят тихо прочь.
Мелеет времени река,
И на пустые берега
Пришла хозяйка Ночь.

И никого со мной в ночи.
Кругом – лишь сизый дым.
И в мире нет уже причин
Остаться молодым.

Поручик Синицын, 17-е июля 1920 года.

«Вот он кто, оказывается, этот Синица», – подумал Ник. – «Впечатляет. Непросто, должно быть, всё тут было – после этой революции грёбаной...».

Он вышел наружу, устроился на старенькой скамье, расположенной рядом с двумя могилами, в изголовьях которых стояли деревянные, серые от времени кресты, и занялся тщательным изучением содержимого скоросшивателя.

Во-первых, очень уж спёртым и противным был воздух в избе, а во-вторых, пусть его орлы видят, что у командира всё в порядке, он жив-здоров, и не нервничают понапрасну.

Перед глазами Ника чередой чёрно-белых картинок проходила непростая история простой человеческой жизни.

Родион Михайлович Синицын, из захудалых тамбовских дворян, поручик лейб-гвардии, в 1915 году по собственному желанию был переведён в пехотный полк, бои, окопы, Георгиевский Крест, ранение, лазарет, ранение, лазарет, тиф...

Всем сердцем принял Февральскую революцию, Октябрьскую – не принял. Почему? Его право – в конце-то концов, не нам судить. Сражался с красными под командованием разных

знаменитых белогвардейских генералов. В конечном итоге судьба занесла на Кольский полуостров, где он, помня о бесценном опыте Дениса Давыдова, пытался организовать партизанский отряд, но был взят в плен красноармейцами. Бежал, добрался до Сейдозера, там и осел, беспочвенно надеясь в этой глуши пересидеть смутные времена. Стал охотником-промысловиком, подружился с саамами, это они дали ему прозвище «Синица», взял в жёны молоденькую саамку. Во время родов, которые он сам и принимал, жена умерла, ребёнок последовал за ней в Долину Теней через месяц.... В 1922 году на берега Сейдозера пришла первая экспедиция Барченко. Работал проводником, показал дорогу к древнему капищу. Барченко обещал выправить документы, помочь перебраться за рубеж. Саамы, узнав, кто показал экспедиции дорогу к капищу, перестали с ним общаться. Годы одиночества. Новая экспедиция Барченко, новые надежды, новые обещания. В 1936 году познакомился с иностранцем, пришедшим вместе с экспедицией. Иностранца звали Александром. Опять одиночество...

Было видно, что прожитые годы отразились на психике Родиона Синицына далеко не лучшим образом.

Косой убористый почерк, которым были исписаны первые листы, постепенно становился расплывчатым, буквы плясали на бумаге, наклоняясь в разные стороны, на последних страницах уже полностью властвовали корявые, плохо читаемые каракули.

Вот, и последний лист: клочок промасленной обёрточной бумаги с непонятными значками, нарисованными (по-другому и не скажешь), простым карандашом.

Минут десять Ник пытался понять смысл последнего послания Синицы.

Получилось примерно следующее: «Не могу больше оставаться здесь. Волки постоянно воют. Одни волки кругом. Ухожу на Облямбино. Прощайте все! Сентябрь 1939 года».

«Что это ещё за Облямбино такое?», – возмущённо сплюнул в сторону Ник. – «Может, Вогул знает? А если не знает?»

С собой он прихватил только раритетный скоросшиватель с дневником поручика Синицына и старинную берданку. Вернулся обратно к скале, защёлкнул карабин на кольцо, подёргал за толстый шнур, проорал что было мочи, задрал голову к бездонному небу:

– Поднимайте, обормоты, так вас и растак! Поднимайте своего командира!

Подъём прошёл на удивление спокойно, даже голова почти не кружилась.

Ник вылез на край обрыва, крепко уцепившись за протянутую Банкиным руку, присел на корточки, опершись руками о тёплые, нагретые солнцем камни, отдышался.

– Ох, ты, Боже ж мой! – ненаигранно восхитился Вогул. – Это же моего деда ружьецо. Пропало очень много лет тому назад. Подари его мне, начальник! Подари, по-честному отслужу!

Ник рукой изобразил широкий жест:

– Забирай, какие дела. Шаман шаману – друг, товарищ и брат.... Кстати, ты знаешь, что такое есть – Облямбино?

– Облямбино? Как не знать, начальник, это озеро такое. Тут недалеко. Плохое место. Очень плохое. А зачем, начальник, ты про него спросил?

– Да вот надо, чтобы ты нас туда отвёл. Синица по осени ушёл к этому Облямбино, значит, и нам надо попасть к этому озеру.... Далеко отсюда до него? Доведёшь?

– А может, Синица только хотел уйти? – забеспокоился Банкин. – В том смысле, что на выходе из каньона волки же караулят. Может, они его того, сожрали, оставив только косточки?

Вогул нахмурился, присел на красно-коричневый валун, поросший разноцветным мхом, раскурил свою трубочку. Весь его вид говорил о том, что мысль о предстоящем вскоре походе к озеру – со странным именем Облямбино – его совсем не вдохновляет.

– Не тяни, друг мой шаманский, рассказывай, – задушевно попросил Ник.

Вогул сердито выбил трубку, постучав ею об колено, и заговорил, заинтересованно разглядывая носок своего старого кирзового сапога:

– Вот – обувка прохудилась. Новая напасть подоспела.... Тьфу! А Синица ваш – он точно живой. Что ему сделается? Волки его не трогают, за своего, однозначно, принимают. Одичал он совсем. Волосами оброс – сразу во всех местах. Не мылся несколько Больших Солнц. Диким зверем от него пахнет, всегда.... А Облямбино – очень плохое озеро. Там живёт страшный Злой Дух. Непонятный. У него – голова змеи. Сам очень большой, как пять оленей вместе.... Что улыбаешься, начальник, не веришь? Я сам видел, как Дух годовалого лосёнка под воду утащил. Вынырнул, схватил зубами за ногу и уволок. Страшное это место, однако...

Вогул ещё долго и самозабвенно рассказывал истории-страшилки, связанные с этим странным местом.

Если резюмировать, то складывалась следующая картина.

Облямбино – небольшое, почти круглое озеро, диаметром километра два с половиной, с востока окружённое неприступными горными хребтами. Обычное озеро, с первого взгляда: достаточно глубокое, с чистой прозрачной водой, но почему-то совершенно, не считая мая месяца, безрыбное. Обычное озеро? Да нет, есть и некоторые особенности, кардинально отличающие его от всех прочих озёр Кольского полуострова.

Во-первых, вода в Облямбино достаточно тёплая: в зимний период лёд на нём устанавливается на три недели позже, чем на соседних водоёмах, а по весне, соответственно, сходит на три недели раньше.

Во-вторых, в мае месяце на Облямбино ловится невиданно-крупная для этих мест рыба: плотва – до двух килограммов, окунь – до трёх, язи, и вовсе, до десяти. Причём, только в мае. В остальное время и стограммовые полосатые окуньки здесь – редкость невиданная.

Старые лопари рассказывают, что под горными хребтами существует пещера, заполненная водой, по которой рыба из большой озёрной системы, расположенной за этими хребтами, заходит в Облямбино, отъедается, а потом уходит обратно. Хотя, и в этих больших озёрах такой крупной рыбы не ловили никогда...

В-третьих, в Облямбино, по утверждению многих уважаемых лопарей, обитает ужасное чудовище: то ли гигантская змея, то ли не менее огромная ящерица.

Как бы то ни было, но местные охотники и рыбаки это озеро не любят и стараются обходить его стороной.

– Так, когда мы дойдём до Облямбино? – уточнил Ник, невежливо перебив увлечённого собственным рассказом Вогула.

– Упрямый ты, начальник, – неодобрительно покачал головой шаман. – Плохо это.... А может, наоборот, хорошо? Кто знает.... Ладно, я всё понял. К завтрашнему полудню, если Бог даст, добредём...

Никуну выпало дежурить в предрассветное время. «В час волка» – как принято говорить в *современных* остросюжетных романах.

Ночь выдалась тёплой, ветер дремал где-то между покатых склонов сопки, звёзды кружились в нескончаемом хороводе всей своей дружной командой.

В метре от небольшого костра, изредка постреливающего во все стороны яркими угольками, стоял походный котелок, полный крепкого чая, в который были добавлены веточки брусники и морошки.

Короче говоря, присутствовали все необходимые условия для успешного мыслительного процесса.

«Итак, начнём, пожалуй», – приступил к размышлениям Ник, доставая из портсигара с профилем Александра Сергеевича Пушкина крепко набитую беломорину. – «Вольф Мессинг.... Что мне известно о нём? Родился, кажется, в 1899 году. Одиннадцати лет от роду бежал из дома и уехал в Берлин. Голодал, заболел, попал в больницу. В больнице его случайно заметил профессор Абель, знаменитый в те годы невропатолог. Вернее, даже не заметил, а

реально убедился в том, что этот маленький мальчик умеет читать мысли других людей. Что документально и подтвердил. После этого Мессингу была уготована судьба юного Моцарта: гастроли по всей Европе и некоторым странам Азии, аншлаги, сеансы гипноза, чтение мыслей на расстоянии, предсказывание судеб, чтение прошлого. В совсем ещё юном возрасте Вольф Мессинг встречался с Фрейдом и Эйнштейном, а затем в Индии – с Махатмой Ганди, и еще со многими видными людьми тех лет, на которых он, в свою очередь, произвёл неизгладимое впечатление.... В 1939 году Мессинг бежал из захваченной немцами Польши. Он перешел границу СССР и сразу же был принят Сталиным, который, как это ни странно, признал способности Мессинга. Признал, пригласил и, так сказать, облагодетельствовал.... Хотя некоторые историки утверждают, что Мессинг состоял в переписке с Иосифом Виссарионовичем ещё с 1929 года, а в тридцатых годах несколько раз тайно посещал СССР. Достоверно известно и документально подтверждено, что Мессинг ещё в 1941 году правильно предсказал День Победы над фашизмом, предвидел гибель космонавтов Владимира Комарова и Юрия Гагарина, многие другие события. Все его предсказания неизменно сбывались. Много работал с дельфинами, по сведению очевидцев – общался с ними на дельфиньем языке.... Что ещё? Пожалуй, что и всё. Личное дело Мессинга хранится в архивах ФСБ под грифом «секретно» и вряд ли когда-нибудь будет рассекречено. Что это мне даёт? Ровным счётом ничего.... Надо обязательно лично встретиться с Мессингом и поговорить обо всём. Обо всём! Легко сказать – надо повстречаться....».

Банкин, тащивший на поводке облезлого оленя, на котором сидела раненая Мэри Хадсон, первым забрался на нужный перевал, после чего разразился восторженными воплями:

– Мать его так и разэтак! Ну, и ни фиги же себе! Командир, гребь сюда скорее! Тут такая хрень – офигеть и не встать!

Рядом с ним аналогичный текст – только на английском языке – так же возбуждённо лопотала Мэри, резво соскочившая со своего смиренного оленя.

Ник сбросил с плеч рюкзак и налегке рванул вверх по распадку: кто его знает, что там, вдруг, что-то важное? Больно уж дурацкий вид был у Гешки, да и глаза Мэри от удивления увеличились вдвое.

Открывшийся его взгляду пейзаж по-настоящему поражал: вся котловина озера, вплоть до горных серо-голубых хребтов, серьёзной стеной поднимающихся на востоке, была покрыта толстым чёрно-бурым шерстяным ковром. Ковёр местами топорщился и тут же безвольно опал, перекатываясь волнами с севера на юг, вслед за лёгким шаловливым ветерком...

Ник стоял в полном обалдении, не зная, что и думать по поводу увиденного. До озера оставалось метров шестьсот, но подходить к нему ближе совершенно не хотелось.

В голове упорно и настойчиво пульсировала мысль о пришельцах и инопланетном разуме – давали знать о себе стереотипы, почерпнутые *когда-то* из глупых голливудских фильмов.

Отдуваясь, на перевал выбрался Вогул в сопровождении выючных оленей.

– Что это с вами случилось? – поинтересовался. – Чего-то не того съели на завтрак? Дурака валяете, как у русских заведено? Это же обычные комары. Красный мотыль со дна всплывает, в комаров превращается. Только много его очень. Такое только на Облямбино и можно увидеть. Поэтому и рыба крупная сюда в мае месяце заходит. По подземной пещере, заполненной водой. Чтобы жир нагуливать...

Они вышли на берег озера. Беспрестанно копошащиеся комары покрывали воду неровным слоем, толщина которого в отдельных местах достигала двадцати сантиметров. Вокруг стоял громкий неприятный гул, ноющий в ушах одной неизвестной нотой. Отдельные насекомые поднимались от общего слоя вверх сантиметров на сорок и тут же падали обратно. А ещё сквозь гул было слышно, как кто-то громко и часто чавкает. Присмотревшись к комариному ковру повнимательней, Ник сразу же установил и источник «чавка». Это крупная рыба, всплы-

вая к поверхности воды, жадно поедала незадачливых насекомых, всасывая их десятками и сотнями за один раз.

То тут, то там на чёрно-бурой поверхности образовывались большие и маленькие воронки, сопровождаемые громкими чавкающими звуками.

– Жирует рыбёха. Отъедается за голодную зиму, – подтвердил Вогул догадку Ника.

– Меня же комары любят, – дрожащим голосом протянул Банкин. – Что же будет, если вся эта банда взлетит? Они же меня на части мелкие порвут. Не нравится мне здесь. Давайте побыстрее найдём этого мерзкого поручика и свалим отсюда... Где этот гад?

– Ерунда это всё, – шаман в сотый раз раскурил свою трубку. – Видишь, как олени себя спокойно ведут? Это мирные комары, они только ночью воду покидают. Утром встанешь, а озеро чистое. Улетели все куда-то в тундру. К полудню новая порция поднимается со дна. И так – две недели. Потом всё прекращается, ни комаров, ни крупной рыбы. Что до этого Синицы... Тут всего одна избушка имеется, где зиму можно пересидеть. Там его и найдём. Если не помер уже, конечно...

Старая избушка пряталась в густом полоповозрелом ельнике, метрах в пятидесяти-шестидесяти от берега необычного озера.

Когда-то давно это была крепкая изба-пятистенник, но время безжалостно. Сейчас брёвна этого покосившегося строения почернели и местами прогнили насквозь, на крыше, поросшей зелёным мхом, шумели на ветру своими пока ещё голыми ветками несколько взрослых берёз и осин. На нижнем венце можно было с трудом разобрать вырубленные некогда топором цифры: – «1852».

– Древность-то какая, – восторженно прошептал Банкин и легко прикоснулся пальцем к бревну рядом с отметкой о дате постройки избы. Палец легко и беспрепятственно погрузился в древесину...

Было видно, что Синицын попытался как-то обновить и утеплить избушку: местами стены были обмазаны толстым слоем глины, местами – обложены свежим дёрном. Окон не было вовсе, зато дверь была практически новая, сколоченная из ошкуренных стволов молоденьких сосёнок.

Ник осторожно постучал. Банкин замер за дверным косяком, держа браунинг двумя руками стволом вверх.

– Да нет там его, – лениво зевнул Вогул. – Я же говорил, что Синица в зверя превратился. Зверь и есть. Мы ещё только на перевал вышли, а он нас уже почуял и спрятался где-то...

Ник осторожно потянул за сыромятный ремешок, прибитый гвоздём к двери и заменявший, по-видимому, дверную ручку. В носшибанул такой сильный запах, что Ник тут же опустился на четвереньки и, спрятав нос в воротник ватника, максимально быстро отполз метров на пятьдесят в сторону, борясь из последних сил с рвотными позывами.

Воняло как на хорошей звероферме, где разводят всяких норок и ондатр, только сейчас эта вонь была возведена в квадрат, в куб или даже в десятую степень.

Рядом раздались звонкие хлопки – это мужественный Банкин отвешивал потерявшей сознание мисс Хадсон лёгкие целебные пощечины.

– Слабаки вы, русские, всё же, – презрительно процедил Вогул и переступил через порог избушки.

Наружу, впрочем, он выбрался уже секунд через сорок, поспешно отошёл в сторону и начал жадно ловить ртом свежий воздух.

– Что теперь делать будем? – спросил Ник у товарищей минут через пять, когда отошли от коварной избы на безопасное расстояние.

Гешка и Мэри, переглянувшись, синхронно пожали плечами, демонстрируя тем самым полное отсутствие дельных предложений.

– У меня, начальник, есть план, – подал голос Вогул. – Знаешь, как шуку ловят на живца? Вот, и здесь тоже – нужен живец...

Предложенный план Нику понравился: всё логично, стройно, нетривиально и даже с выдумкой. Влюблённый Банкин, ясен пень, был категорически против. А вот Мэри, как это и ни странно, сразу же на всё согласилась.

«И зачем ей это надо?», – недоумевал Ник. – «Знает ведь, что рискует, да и плечо раненое. Уже не говоря о том, что холодно ещё совсем...».

Десять часов утра, полное безветрие, гладь озера чиста и светла: вчерашняя комариная армада ночью поднялась на крыло и отбыла в неизвестном направлении, а новая армия поднимется на поверхность воды не ранее, чем через полтора часа.

Солнышко, словно записавшись на этот день в верные союзники, грело от души, щедро разбрасывая во все стороны ласковые лучи.

Это было просто превосходно: Мэри не стоило застужать свою рану, да и вообще, организм у неё был очень ослаблен, так и до воспаления лёгких – рукой подать.

Ник с карабином в руках залёг на перевале, рядом с ним расположились Банкин и Вогул, чуть ниже по склону паслись освобождённые от груза олени.

По словам шамана, ближе к озеру не стоило подходить, чтобы не спугнуть осторожного зверя – по прозванию Синица.

– Он уже – точно не человек. Зверь настоящий, – уверял шаман. – Опасность за версту чувствует. Где-то во временном логове отлёживается. Не вспугнуть бы... Ещё бы подальше отойти, да некуда уже. А выманить его из логова только одним способом можно. Самку ему предложить. Молодую, здоровую. Тогда он точно забудет об осторожности. Обо всём на свете забудет. Выскочит, побежит, бросится. Здесь мы его и возьмём. Не получится по-другому...

На том и порешили: мисс Мэри Хадсон, желательно – в неглиже, прогуливается по песчаной косе вдоль озера, изображая из себя беззаботную курортницу, а остальные прячутся в засаде. Одицавший Синицын выпрыгивает из кустов и устремляется к девушке, Ник из карабина стреляет ему в ногу, Банкин и Вогул бегом устремляются к обездвиженному поручику, связывают его, перевязывают рану. Всё, романтическая игра сыграна. Дальше начнётся скучная проза: допросы, угрозы, кнуты и пряники. Нормальный план, тем более что для хорошего нарезного карабина с приличной оптикой, к которому прилагается неплохой стрелок, пятьсот метров – не вопрос.

Конечно, с такого расстояния коленную чашечку не прострелить, но попасть в нижнюю часть тела можно запросто. Главное, не убить наповал. Даже если рана окажется серьёзной, то это может ещё и дополнительно помочь следствию: болевой шок, как известно, иногда способствует прояснению замутнённого рассудка...

Карабин у Вогула был первостатейным, бельгийским, пятизарядным. На плохую стрельбу Ника никто до сих пор не жаловался.

Мэри – походкой манекенщицы – вышагивала по песчаной косе: сто пятьдесят метров в одну сторону от заранее снятых кирзовых сапог, сто пятьдесят – в другую. Вот девушка здоровой рукой расстегнула тугую пуговицу и сбросила с плеч бушлат (вторая рука из-за раны не была продета в рукав), и ногой отбросила его далеко в сторону, продемонстрировав всем любопытствующим белизну бинтов на перевязанном плече и не менее белоснежный лифчик. Рядом с Ником учащённо задышал Банкин.

Мэри так же элегантно расстегнула брючный армейский ремень с неизменной пятиконечной звездой, после чего стащила со своих стройных ножек грубые штаны защитного цвета.

Банкин тут же жалобно замычал и принялся шёпотом материться, возмущённо фыркая после каждой законченной фразы, словно изображал из себя рассерженного сибирского кота.

Мисс Хадсон ещё пару раз продефилировала туда-сюда и нерешительно остановилась, явно раздумывая, какую из двух оставшихся частей одежды снимать первой...

Краем глаза Ник отметил какое-то шевеление в зарослях ольхи, отмечавших границы берега крохотного ручейка, впадающего в Облямбино, и срочно направил карабин в ту сторону.

Расстояние от этих кустов до беззаботно разгуливающей по дикому пляжу ослепительной курортницы-стриптизёрши едва превышало сто метров, шутки заканчивались.

Синицын стартовал мгновенно. Ветки ольховника разлетелись в стороны, и нечто, обросшее длинными волосами и одетое в какие-то немыслимые лохмотья, понеслось – стрелой – по направлению к незащитной девушке.

Ник выстрелил через мгновение, Банкин и Вогул тут же сорвались с места и что было сил побежали к озеру, стараясь не оказаться на линии огня. Бывший поручик упал на землю, схватился руками за простреленную голень правой ноги и страшно завыл – так пронзительно и громко, что у Ника по спине тут же побежали мелкие и частые мурашки, а на голове зашевелились волосы.

Однако, буквально через три-четыре секунды, Синицын поднялся с земли и достаточно быстро, лишь слегка прихрамывая, целенаправленно продолжил своё движение к заветной цели.

Мэри, похоже, окончательно потеряла самообладание и впала в транс. Она опустилась на песок, безвольно вытянула руки и с немым ужасом уставилась на приближавшегося к ней монстра.

Ник выстрелил во второй раз, всё ещё целясь бывшему поручику в нижнюю половину туловища.

На этот раз Синицын от души покатался по земле секунд шесть-семь, после чего двинулся вперёд по-заячьи, отталкиваясь от кочек и валунов непропорционально длинными руками, приземляясь на колени и не обращая внимания на боль от полученных ран. Банкин и Вогул явно не успевали.

Нику стало по-настоящему страшно, мерзкий холод тяжёлой волной прокатился по всему телу – от макушки до самых пяток: между смертельно-испуганной Мэри Хадсон и Родионом Синицыным было уже метров десять, не больше.

Стараясь ни о чём не думать, он трижды выстрелил – уже на поражение, стараясь попасть в голову или грудь...

Ник поднялся на ноги, смахнул со лба крупные капли холодного пота и, закинув карабин за спину, прогулочным шагом пошёл в сторону озера. Некуда было торопиться. Мифический Синица мёртв, допрашивать уже некого, следовательно, тайна Чаши Святого Грааля не будет раскрыта никогда...

Глава шестая

По тонкому льду

Банкин – в трёх шагах от трясущейся Мэри, закутанной в собственный бушлат и Гешкин ватник, – лихорадочно разводил костёр. Вогул возился с мёртвым телом Синицына. Лицо монстра представляло собой сплошное кровавое месиво: очевидно, три последние пули попали точно в голову.

«Это я, наверное, со страха такую меткость продемонстрировал», – отстраненно подумал Ник и криво ухмыльнулся.

Он прошёл метров на пятьдесят-шестьдесят дальше по косе и присел на ствол поваленной берёзы – со свежими следами бобровых зубов на комле.

Во-первых, не хотелось смущать бедную Мэри нескромными взглядами (а там было на что посмотреть), во-вторых, больно уж гадко пованивало от мёртвого поручика.

Закурил, наблюдая, как из тайных глубин озера начали подниматься первые комки будущих комаров – чёрно-бурые, с частыми рубиновыми прожилками.

Осторожно подошёл Вогул, легонько толкнул Ника в бок.

– Не грусти начальник. Ну, так получилось. Бывает. Лучше, вот, посмотри, что я у нашего Синицы нашёл. Нашёл – теперь куда денешься от этого?

Ник равнодушно посмотрел на шаманские находки: холщовый мешочек на толстом кожаном ремешке и плоский серебряный медальон – на серебряной же цепочке.

– Медальон у него на шее висел, а мешок – к поясу был привязан, – доходчиво пояснил Вогул.

Ослабив тесёмки на мешочке, Ник вывалил его содержимое на землю: с десятков ромбических разноцветных металлических кристаллов, два прямоугольника, напоминавших диктофонные кассеты, и квадратная пластина, по внешнему виду – дискета для компьютера, Ник такими пользовался в конце девяностых годов, пока на смену дискетам не пришли CD и DVD-диски.

«Диктофонные кассеты и компьютерные дискеты в 1940 году?», – подумал про себя Ник. – «А почему, собственно говоря, и нет? Чего только на этом Свете не бывает...»

С одной стороны, это было хоть что-то, всё же не с пустыми руками теперь предстояло возвращаться в Ленинград.

С другой стороны – всё равно задание было провалено, а требуемая информация от источника так и не получена.

Да и то, что было записано на кассетах и диске, прочитать удастся только через многие годы.

Так что впереди, при любом раскладе, ждали жёсткий разнос и косые неодобрительные взгляды.

– Знаешь что, Вогул, – обратился Ник к шаману. – Сегодня нам обратно всё равно не тронуться, девчонке же надо дать в себя прийти. Так что, давай, тут заночуем, только отнесём этого Синицына чуть в сторону и похороним, как полагается. А потом одного олешка зарежем, давно я оленятины парной не пробовал...

Вдвоём с Вогулом отнесли тело бывшего поручика на полкилометра в сторону, закопали на краю торфяного болота, в изголовье могилы Ник даже крест установил, наспех изготовленный из тонкого ствола молодой осины.

Потом он вернулся к костру, где, крепко обнявшись, сидели молчаливые Банкин и Мэри, временами начинавшие очень даже серьёзно целоваться, не обращая – при этом – никакого внимания на окружающую их Вселенную и её отдельных представителей...

Вогул пошёл к перевалу – резать оленя. Сразу договорились с ним, что не стоит в очередной раз смущать и расстраивать трепетную американку, ей и так досталось с лихвой – за этот весёлый и насквозь авантюрный поход.

Ник сел в некотором отдалении от влюблённой парочки, достал из ножен охотничий нож и попытался открыть медальон Синицына. С первого наскока ничего не получилось. Пришлось прибегнуть к грубой помощи камней. Через десять минут покорёженный и смятый медальон, всё же, раскрылся.

На чёрной бархатной подложке лежал девственно-белый картонный прямоугольник.

Ник взял в руки визитную карточку, обнюхал её, перевернул и с удивлением прочёл: – «Aleksandr Amatov, Klagenfurt».

– Твою мать, в том смысле – что мою! – не сдержался Ник, после чего позвал Банкина: – Эй, Ромео недоделанный, двигай сюда быстро! Кажется, я знаю, где искать нашу загадочную Чашу...

Подошёл Гешка, корча недовольные гримасы и ожидая очередного пошлого подвоха.

Ознакомившись с содержанием визитки, сообразительный Банкин сообщил – с невозможностью истинного философа:

– Как же тесен Мир, нас окружающий. Сколько же в нём фатальных совпадений и переплетений. Знали бы об этом заранее, сейчас вместе с Лёхой разгуливали бы себе по Европам, беззаботно наслаждаясь благами их цивилизации...

– Моя вина, – занялся самобичеванием Ник. – Я же внимательно изучал все связи Троцкого. Там же чёрным по белому было написано, что Лев Давыдович и Барченко хорошо знали друг друга. Да и на дачу к Глебу Бокию навещался наш фигурант, отнюдь, не один раз. Ибо всегда имел слабость к доступным представительницам слабого пола... Должен был я рассмотреть и такой вариант развития событий, просто – обязан был рассмотреть. Надо же – так лохануться.

Гешка успокаивающе положил руку ему на плечо и возразил:

– Только в этом идеальном раскладе Мэри так бы в своём лагере и парилась, каменный мол возводя в кандалакшском порту. Так что, командир, лично я и не расстроился совсем...

Весело горел походный костерок. Шашлыки из оленины были просто бесподобны, жареная печёнка нежно таяла во рту. Ник даже по старой памяти полкружки свежей оленье крови выпил, чем привёл Вогула в неопишуемый восторг.

– Молодец ты, начальник Никита, – заявил шаман. – Правильный русский. Побольше бы таких, правильных. Не по словам, а по делам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.